VIP значит вампир

Автор:
Юлия Набокова

VIP значит вампир

Юлия Валерьевна Набокова

VIP значит вампир #1

Бессмертие по клубной карте, кровь по талонам, йога в полночь, вечеринки до рассвета, шопинг вне очереди, любовь с первого укуса. Добро пожаловать в элитарный Клуб вампиров! Людям вход строго воспрещен.

Юлия Набокова

V.I.P. значит вампир

Глава первая

Вампир носит Армани

Инициация новых членов Клуба осуществляется только с их письменного согласия.

Из международного Пражского договора 1956 года

– Бессонова! Ну куда это годится, а?! – бесновался Борис Семёнович Однорог, пока я грезила о море, куда мы с моей подругой и коллегой Сашкой должны

были отправиться через восемь дней. Отпуск был заслуженным, давно оговоренным, и я не сильно волновалась, что он может сорваться из-за острого недовольства шефа моей последней сделкой. Точнее – ее провалом. – Ты меня вообще слышишь?

Однорог был директором риэлтерского агентства «Милый дом», а я – его верной рабой на полную ставку, вот уже четыре года.

– Да, Борис Семёнович, – скорбно отозвалась я.

– Знаешь что, Бессонова!.. – Не дождавшись от меня искреннего раскаяния и приступа самоуничижения, босс устало махнул рукой. – А иди ты, Бессонова!..

Я хотела было невинно уточнить: «В бухгалтерию, за премией?», но решила не доводить Однорога до инфаркта, а себя – до увольнения. Зарплата мне была очень нужна ввиду начинающихся распродаж, тем более, что я уже присмотрела себе парочку лакомых вещичек. Поэтому я только развернулась на шпильках и шагнула к двери.

– Ты куда, Бессонова? – поразился Однорог у меня за спиной.

– Так вы же меня сами… послали, – с вежливой улыбочкой обернулась я.

– Но я еще не уточнил, куда именно! – Однорог мстительно сверкнул глазами и зашуршал бумагами, выискивая среди множества факсов нужный.

Если бы за время работы под его началом я не убедилась в категорическом отсутствии у шефа чувства юмора, я бы поклялась, что в его словах явственно прозвучал сарказм.

Однорог тем временем хмурил бровь, быстро перебирая бумаги. Потом отложил их в сторону, недовольно скосил глаза, изобразил напряженную умственную деятельность и с радостной ухмылкой провалился под стол, вернувшись через секунду с мятой бумагой в руке. Он удовлетворенно разгладил ее и протянул мне.

– Вот!

Я с опаской взяла факс, выуженный из мусорной корзины, настороженно впилась в него глазами и мысленно застонала. Так далеко меня еще не посылали! Полуаварийное здание бывшей фабрики в районе Котловки, которое владельцы наивно мечтали продать под торговый центр или офисное здание. В такой-то глуши?! В первую минуту я дрогнула и хотела просить у Однорога пощады, но потом расправила плечи и с достоинством приняла свою участь. Не дождется!

– Надеюсь, ты понимаешь, Бессонова, что это твой единственный шанс реабилитировать потерю такого ценного клиента, как госпожа Горячкина? – нервно поинтересовался Однорог, недовольный моим безучастным отношением к его подлянке.

– Разумеется, Борис Семёнович! – смиренно отозвалась я. – Я займусь этим объектом завтра же с утра.

– Нет, Бессонова, ты меня не поняла, – злорадно ухмыльнулся Однорог. – Ты поедешь туда сейчас же.

– Но Борис Семёнович… – начала было я, покосившись на часы. Начало шестого. В лучшем случае, я попаду туда к семи. Пока осмотрю эту развалину и окрестности, да домой доберусь – будет уже одиннадцатый час. Но это еще не самое худшее! Сегодня я вырядилась в нарядное кремовое пальто и сапожки на тонких шпильках – и это ради того, чтобы месить дорогущими сапожками грязь в Котловке? Заехать домой переодеться я никак не успеваю – это в противоположной стороне города. Вот шеф удружил!

– Сегодня же, – повторил он. – Иначе придется отложить твой отпуск до лучших времен.

Ах, вот ты как!

– Чтобы завтра же у меня были фотографии здания, а до твоего отъезда – план по его продаже.

– Не беспокойтесь, Борис Семёнович, сделаю в лучшем виде! – с медовой улыбкой заверила я, мысленно втыкая в ботинок Однорога острые шпильки сапожек.

Здание оказалось сущим кошмаром. На фото в факсе оно выглядело куда более перспективным, чем при ближайшем рассмотрении. Внутрь заглянуть я даже не решилась – заброшенный дом облюбовали бомжи. Обойдя его снаружи, я мрачно подумала, что есть только два способа всучить эту развалюху покупателям: убедить руководство «Мосфильма», что здание идеально подходит для съемок фильмов ужасов; или подговорить бомжей изобразить призраков фабрики и продать развалину какому-нибудь эксцентричному иностранному миллионеру в качестве дома с привидениями. О торговом комплексе или офисном центре и речи быть не могло. Оставалось надеяться, что Однорог сменит гнев на милость и забудет о своей дикой затее.

Начал накрапывать дождь, и я достала зонтик и зашагала к метро – прочь от кошмарного здания. Как хорошо, что я поддалась на уговоры своей подруги Саши и взяла из офиса зонт. Правда, Сашка вручила мне его с другой целью: отбиваться от маньяков, которые водятся в этой неблагополучной части города в темное время суток. Подружка очень корила себя, что не может составить мне компанию: у ее папы этим вечером случился юбилей, к которому семья готовилась последнюю неделю, и она никак не могла откосить от праздничного застолья. Поэтому, вручив мне зонт как средство самообороны и взяв с меня обещание позвонить ей по возвращении домой, Сашка выпроводила меня из офиса и понеслась забирать торт для юбиляра. Благодаря ее заботе, я спасла пальто от бесславной гибели под бушующим ливнем и теперь, по дороге к метро, безуспешно боролась с порывами ветра, бездарно изображая Мэри Поппинс, готовящуюся взлететь к облакам.

Да, определенно, девушке со страниц «Cosmo» совершенно нечего делать на московских улицах. Особенно в такой промозглый день, как этот. И зачем я только вырядилась с утра в высокие замшевые сапожки, короткую юбку и легкий топ, скопировав образ со сто семнадцатой страницы октябрьского номера журнала?

Я не миновала и полпути к станции, как хляби небесные разверзлись, превратив улицы в венецианские каналы. Мои сапожки – моя гордость, моя прелесть и мое сокровище, за которые я выложила половину долгожданной премии и которым радовалась не меньше, чем Золушка хрустальным туфелькам – превратились в уныло чавкающие калоши. Дождь горошинами бил по обтянутым капроном коленкам, которые я безуспешно пыталась спрятать под полами короткого пальто. Игривое колье, обвивавшее шею толстыми звеньями, из модной

бижутерии превратилось в орудие пытки, холодя кожу льдом металла.

К счастью, за час дороги, проведенный под землей, ливень устал рвать облака и смирился с невозможностью обратить Москву в Венецию. Так что из перехода метро я вынырнула уже без опасений быть смытой с лица земли и бодрой походкой принцессы на горошине зашагала к дому. За свой внешний вид я могла не опасаться: дождь всегда был для меня лучшим стилистом и закручивал тщательно выпрямленные волосы в восхитительные спиральки – на зависть всем офисным кокеткам. Вот только сейчас мне эта красота ни к чему: время позднее, уже стемнело, не хватало еще какого маньяка на свою голову соблазнить. Я прибавила шаг и уже собиралась свернуть на дорогу, ведущую к дому, как путь мне преградила громадная лужа.

Перейти ее я бы не решилась – моя замшевая прелесть такого купания уж точно бы не пережила. Я посторонилась, пропуская вперед припозднившегося школьника, с азартом запрыгавшего по луже, и со вздохом двинулась в обход.

Пришлось вернуться и нырнуть в зловещий сумрак дворика, окруженный с одной стороны складами магазинов, с другой – гаражами, с третьей – заброшенным павильоном, некогда бывшим пунктом приема стеклотары. Отличная декорация для фильма ужасов и мечта маньяка. Сквозной проход через арку редко прельщал припозднившихся прохожих, и, несмотря на то что через дворик можно было значительно срезать путь до ближайших домов, осторожные граждане предпочитали идти в обход. Вот только в моем случае обход, а точнее – переход лужи вброд, завершился бы трагической гибелью сапожек, об обладании которыми я мечтала долгих два месяца. Оставалось надеяться, что в такую погоду приличный маньяк и собаку на улицу не выгонит, не говоря уж о себе самом.

Подбадривая себя таким образом, я быстро прошмыгнула половину пути и замешкалась, обходя лужу, коварно подкараулившую меня и здесь. Где-то слева мелькнула тень. Я ускорила шаг и ступила под арку.

Прямо на меня неслась женская фигурка, на тонкой шейке которой развевался алый шарф, а ее длинные ноги покачивались на высоченных шпильках.

– Жа-а-н! – протяжно провыла дева, протягивая руки.

– Мы знакомы? – удивилась я, глядя на нее снизу вверх.

Я уродилась малявкой, тогда как длинноногая нимфа могла с успехом маршировать по подиуму. Она бросила на меня недоумевающий взгляд и завертела головой, отчего шарф на ее шее заколыхался шелковым цветком.

– Где он? – визгливо воскликнула она, обращаясь ко мне. – Ты его видела? Куда он делся?

– Он улетел, но обещал вернуться, – хмыкнула я, бочком обходя сумасшедшую.

– Улетел?! – взвизгнула девица и схватила меня за локоть. – Ты видела это? Вот гад! – зло выругалась она, расцепив пальцы. – А врал, что не умеет!

Девица нервно одернула шарф на лебединой шейке и опустила руки с идеальным маникюром.

– Сигаретки не будет? – устало поинтересовалась она.

– Не курю, – огорчила я, отрываясь от созерцания ее алых ногтей, разрисованных золотыми рыбками.

– Жаль, – протянула незнакомка, – а то я бы ему отомстила. Никотин, видите ли, отравляет кровь! Скотина! – зло выругалась она. – Я ради него сижу на кремлевской диете, как проклятая, а он – убегает.

– Ни один мужчина не стоит того, чтобы ради него сидеть на диете, – сочувствующе поддакнула я. – Особенно на кремлевской. Вот если бы на шоколадной, как Ума Турман, или на клубничной, как Виктория Бэкхем, это еще куда ни шло.

– У него аллергия на шоколад, – грустно молвила дева. – А у меня – на клубнику.

– Не повезло.

– Пойду напьюсь. Водки. И пусть у него потом голова болит! – решительно сказала она и, развернувшись, зашагала прочь, исчезнув за углом.

– Вот чего с нормальными девками диета делает, – буркнула я себе под нос, подивившись странной логике незнакомки, и шагнула из-под свода арки.

Но далеко не ушла, так как меня мягко подхватили под локоток и увлекли обратно, в полумрак арки. Я обернулась, ожидая увидеть чокнутую манекенщицу, но уткнулась в темные глаза неизвестного красавца. Я смущенно опустила ресницы, и моим вниманием целиком завладело его пальто. Кажется, я видела такое на Олеге Меньшикове в модном разделе какого-то журнала. И там было написано, что это новая модель от Армани! Но что делает мужчина в божественном пальто от знаменитого модельера в нашей подворотне?

Воспользовавшись моим оцепенением, красавец коснулся пальцами моего подбородка и приподнял его вверх, а потом повернул вправо и влево, внимательно рассматривая мое лицо.

– Хорошенькая, – оценил он, обращаясь скорее к себе, нежели ко мне.

– Это потому, что промокла, – огрызнулась я. – Обычно я ослепительная, неотразимая и божественная.

– С характером, – удовлетворенно произнес красавец и мягко уточнил: – Все сказала или мне нужно знать о тебе что-то еще?

– Я буду кричать, – предупредила я.

– Кричи, – легко согласился он.

Я открыла рот, демонстрируя серьезность своих намерений. А этот нахал закрыл мне его поцелуем! Долгим, волнующим, со вкусом кофе со сливками…

– Что вы делаете? – ошарашенно пробормотала я.

– Выражаю тебе свою симпатию, – мягко улыбнулся наглец.

«Отпустите!» – хотела возмутиться я и бежать со всех ног. Но вместо этого с вызовом спросила:

– Что же вы остановились? – и продолжила таять в его руках, властно обнимавших меня.

«Мужчина моей мечты!» – пищала от восторга Золушка внутри меня.

«Опомнись, дура! Это же маньяк!» – возражал ей голос разума.

«Принц!» – не унималась Золушка.

«Извращенец!» – констатировал голос.

«А если это судьба?» – не верила глупышка.

«Лох – это судьба, – невозмутимо признал разум и возопил: – Спасайся, дурища! Если не хочешь попасть в завтрашние новости под видом расчлененки».

– Забавно, – пробормотал то ли принц, то ли маньяк, гипнотизируя меня глубокими карими очами, и, притянув меня за ожерелье, как за поводок, одарил еще одним поцелуем.

«Принц! Дура! Мужчина мечты! Маньяк! Судьба! Извращенец!» – кричали голоса в моей голове.

– Как тебя зовут? – оторвавшись от меня, спросил он.

– Жанна, – хрипло выдавила я.

– Тезка? – удивился он. – А я – Жан.

– Ты что, француз? – Я уловила мурлыкающий акцент в его речи.

– Что ты сегодня ела? – проигнорировав мой вопрос, неожиданно поинтересовался незнакомец.

– В каком смысле? – хихикнула было я, но запнулась о его серьезный взгляд и уточнила: – На завтрак или на обед?

– Вообще.

– Творожок, какао, овощной салат, куриный суп, плов, – послушно перечислила я, гадая, с чего бы вдруг такой интерес. И, кажется, догадалась! – Кстати, я сегодня еще не ужинала, – намекнула я, ожидая приглашения в ресторан. А что, и одета я соответственно! Не зря, все-таки вырядилась по указке «Cosmo». Жалко, сапоги намокли, ну да их и под стол спрятать можно. Я уже обдумывала, как эффектно будет смотреться топ, расшитый стразами, в мерцании свечей, как принц протянул:

– А плов был свежий?

– Плов как плов. – Я пожала плечами, не понимая, куда он клонит и почему тянет с приглашением.

– А чеснока, – он с негодованием потянул носом, – чеснока там случайно не было?

– Я обязательно спрошу завтра у нашей буфетчицы, – пообещала я. – И возьму подробный рецепт, – неожиданно добавила я, тут же себя отругав. Ага, еще скажи давай, что готова варить ему борщи и приносить газету и тапочки. Вот так сразу, в первые пять минут знакомства.

Да что на меня такое нашло-то? Да, он красавец, но у меня еще не такие среди клиентов были. Между прочим, я подбирала квартиры даже телеведущему Ястребову и актеру Скрипкину, попавшим в сотню красивейших людей Москвы, и не терялась рядом с ними. От страстного Скрипкина даже отбиваться пришлось. Такая стойкость далась мне не просто, но у меня принцип – с женатиками не связываюсь. И даже ради секс-символа, которого читательницы журнала «Гламур» записали на третью строчку самых желанных мужчин России и плакатами с фотографиями которого было обклеено полгорода, я исключение не сделала. Почему ж рядом с этим безвестным и дерзким ловеласом из подворотни я чувствую себя беспомощным котенком, готовым на все?

– А куриный суп? – не унимался мужчина мечты. – Он из наших кур или из американских? Или, – он содрогнулся, – из этого дурацкого кубика?

– Меня что, снимает скрытая камера? – рассмеялась я.

– Такая девушка, как ты, должна следить за здоровым питанием, – гнул свою линию он.

– Какая – такая? – Я простодушно купилась на комплимент.

– Ослепительная, неотразимая и божественная, – усмехнулся он, передразнивая меня.

Я вспыхнула, но он тут же погасил мой гнев своими словами:

– Красивая, модная, стильная. – Он оценивающе скользнул взглядом по одежде, выглядывающей сквозь распахнутое (когда только успел?) пальто. – Гламурная, – добавил он, удовлетворенно оглядев мои прелестные сапожки, и, я готова поспорить, в его глазах сверкнул блеск узнавания.

«… а ведь правда – извращенец!» – успела подумать я, когда губы принца накрыли мои в третий раз. «Но ведь красавец!» – млела Золушка, закидывая руки ему на шею. «Да посмотри на него – он же гей! Он узнал марку сапог!» – взывал голос разума. «Геи не целуют девушкам руки», – с ликованием возразила Золушка, когда его ладонь крепко обхватила мое запястье и по коже скользнул холодок губ, а затем ее обожгло мокрым теплом. Я отрешенно смотрела на то, как под губами мужчины, припавшего к моей руке, расползается темное пятно, а тишина наполняется вкрадчивым лаканием. Но только до тех пор, пока струйка крови не сбежала с запястья и не пролилась цепочкой бордовых брызг на мое безупречное кремовое, расшитое бисером пальто от известного бренда. В это пальто я влюбилась с первого взгляда на витрину магазина и была близка к самоубийству при виде ценника. Три дня я занимала денег по всем знакомым, уже две зарплаты выплачивала долги и еще до конца не расплатилась. Осталось рассчитаться с Сашей и с соседкой Настей, которые любезно согласились подождать. И вот теперь какой-то маньяк его погубил! Да одной капельки крови на моем нежно любимом пальто было бы вполне достаточно для того, чтобы разбудить во мне зверя. А уж при виде десятка ужасных пятнышек во мне и вовсе проснулся Терминатор.

– Черт! – Я вырвала руку и с силой оттолкнула от себя мужчину. – Вот урод! – негодовала я, зажав другой рукой рану на запястье, и оглядывала пальто,

прикидывая причиненный ущерб. – Бедненькое мое, любименькое, только не покидай меня! Обещаю, я тебя реанимирую в химчистке, будешь как новенькое, будто только из рук кутюрье! Завтра же!

Маньяк, судя по ошалевшему виду, такого отпора не ожидал. Он вытер окровавленные губы рукой, эротично облизал пальцы и с интересом уставился на меня.

– Хотя нет, какое завтра? – осадила себя я. – Такие пятна надо выводить немедленно! Эй, Чикатило, – неприязненно покосилась я, – в Москве есть круглосуточные химчистки?

Тот неопределенно булькнул, завороженно глядя на кровь, хлещущую из-под моих пальцев, и подался вперед.

– Даже не думай! – предупредила я, отшатнувшись, и едва устояла на ногах. Потеря крови давала о себе знать головокружением и подступающей к горлу тошнотой.

Но маньяк оказался быстрее: одним прыжком он одолел расстояние между нами и с жадностью вгрызся в мое многострадальное запястье.

– Да кем ты себя возомнил, Дракула недоделанный? – проскулила я и, собрав все силы, вырвалась из его хватки, а потом, вложив в удар всю свою ненависть, врезала ему промеж очей. Правой раненой рукой.

Даже я недооценила Терминатора в себе, чего уж говорить о маньяке, не ожидавшего подобной прыти от субтильной девицы. В какой-то момент мне даже показалось, что его голова слетит с шеи. Но ничего такого не произошло: маньяк сдавленно охнул и принялся торопливо оттирать мою кровь со своих щек. Надо же, с удовлетворением отметила я, я не только запачкала его своей кровью, но и умудрилась разбить ему нос и губу. До маньяка доходило долго, но наконец дошло.

– Бешеная, – сдавленно охнул он, глядя на свои запачканные красным ладони, – что ты натворила?

– Я всего лишь спасала свое пальто, – оскорбилась я. – Ну, и девичью честь заодно.

– Наша кровь смешалась, – в панике прошептал он, продолжая таращиться на свои руки.

Я перевела взгляд на свою руку, которая все еще была согнута в кулак, и успела заметить, как капля черной крови, скатившись с костяшек пальцев, добралась до раны на запястье и смешалась с моей алой кровью. К горлу подкатила волна тошноты, как будто с этой черной каплей в меня проникла смерть.

– Моя кровь теперь в тебе, – обреченно выдохнул маньяк.

И тон, которым это было сказано, мне совсем не понравился.

– Эй, только не говори, что ты болен СПИДом! – Я ужаснулась от внезапной догадки.

– Я болен на голову, раз связался с тобой, – прорычал он, обрушив кулак на стену арки. – Но разве я мог знать, что ты такая бешеная?

– Нечего было кусаться, – передернула плечами я, чувствуя, как перед глазами все плывет и больше нет сил сдерживать тошноту. Прости меня, мое пальто, успела подумать я, прежде чем окончательно погубить кремовый кашемир пятнами и врезаться лбом в асфальт.

Музыкальный центр включился в 7.20 утра, возвращая в реальность и напоминая о необходимости топать на работу, вне зависимости от моего желания, хотения и катаклизмов за окном.

На автопилоте я прошла в ванную, включила зубную щетку, две минуты промаялась перед зеркалом, скаля зубки и изо всех сил тараща глаза, которые так и норовили сузиться в щелки.

– Поднимите мне веки, – простонала я, запрыгивая в тапки, прошлепала в кухню и включила чайник.

И тут в памяти пронеслись события вчерашнего вечера. Я вылетела из кухни и понеслась в коридор.

Пальто, все покрытое подсохшими кровавыми, серыми и зеленоватыми пятнами, печально висело на вешалке. Сапоги, уныло свесив голенища, аккуратно стояли рядом. Это меня убило больше всего. Скукожившиеся и все еще влажные сапоги, которым бы я никогда не позволила провести целую ночь в столь плачевном состоянии, были аккуратно прислонены к стене. Я сама никогда бы не стала выравнивать их носки по линеечке и уж тем более не позволила своей драгоценной обновке киснуть в коридоре бесформенной кучей. Значит… Я быстро схватила сумку, вытащила кошелек, документы, кредитки. Все было на месте. Меня не обокрали. Но надо мной жестоко надругались! Повесили пальто, на которое без слез не взглянешь, на видное место в прихожей. Бросили мои прелестные сапожки на мокрую погибель… Но прежде забрались в мою квартиру!

Ключи, висевшие на крючке в прихожей, подтверждали мою версию о вторжении извне. Я всегда оставляла их в замочной скважине и еще щеколду на ночь задвигала. На этот раз щеколда была открыта. Значит, дверь открывала не я и уж тем более не я ее закрывала. Ну, извращенец, погоди!

Я закипела одновременно с чайником, влетела на кухню, бросила в чашку две ложки кофе и сделала пару осторожных глотков, пытаясь привести в порядок мысли.

Мысль первая, неутешительная: все, что произошло вчера в подворотне, не кошмарный сон. На меня напали, меня целовали, меня укусили и меня заразили чем-то неприятным. Как вспомню перекошенное лицо брюнета – так вздрогну. Причем, реакция у него была такой, как будто это не он меня заразил какой-то гадостью, а я его.

Мысль вторая, ошеломляющая: и все-таки, после того, как я постыдно шлепнулась в обморок, маньяк не сделал ноги, а почему-то проявил неожиданную заботу и приволок меня домой…

Стоп, а откуда он узнал, где я живу?

Глоточек кофе живо прояснил ситуацию и подбросил правдоподобную версию. В сумочке он обнаружил паспорт и ключи от дома, адрес которого указан в прописке. Что ж, маньяку повезло, что я, в отличие от многих, и в самом деле живу там, где прописана. А еще ему повезло, что у нас в доме нет консьержки, а кодовый замок открывается с помощью магнитного ключа, прилагающегося к связке. Так, с этим понятно. Он доставил мое бесчувственное тело домой, открыл дверь моим ключом. После чего ключ повесил на крючок, стянул с меня пальто и сапоги, а дальше… Я отставила в сторону чашку и ошалело перевела взгляд себе на грудь. А дальше этот извращенец зачем-то раздел меня до нижнего белья, умыл (потому как следов косметики и пребывания лицом в луже я во время чистки зубов не обнаружила) и уложил спать.

Интересное кино получается! Я с опаской огляделась по сторонам: кто этого маньяка знает, может, он так притомился, что и сам решил отлежаться до утра в укромном местечке и отдохнуть? Но беглый осмотр квартиры эту версию не подтвердил – в доме я была одна.

Вернувшись на кухню, чтобы допить кофе, я устало опустилась на табуретку и только сейчас заметила листок голубой бумаги, пришпиленный к холодильнику магнитом-апельсином. Неровным, остроугольным почерком на нем было написано: «Никуда не выходи. Задвинь шторы. Жди гостей. Тебе все объяснят. Извини, Ж.»

– Нашел дуру! – возмутилась я, скомкала писульку и бросила ее в мусор.

Так-так, значит, прежде чем покинуть квартиру и аккуратно прикрыть за собой дверь, маньяк нацарапал мне записку. Да какую! Сиди дома и жди, пока к тебе придут и по башке настучат.

И все-таки, что-то не складывается. Если он собирается вернуться, да еще не один, а с подельниками, зачем ему сообщать мне о своих намерениях? Ведь убедился же, что я не похожа на затюканную клушу, которая будет послушно ждать своей участи. Или надеялся, что я к его приходу пирожки испеку? А что если он и впрямь меня заразил каким-нибудь жутко прилипчивым вирусом, и смысл записки в том, чтобы посадить меня на карантин до приезда эпидемиологов? Ну нет, больше смахивает на голливудский триллер, нежели на реальные будни. Будни, будни… Блин! Я же на работу опаздываю! А уж если опоздаю, тогда будет мне психологический триллер с вызовом к начальству на ковер (второй день подряд я этого не переживу!) и фильм-катастрофа в виде

лишения долгожданного отпуска в одном флаконе.

Через десять минут, развив космическую скорость и установив свой личный рекорд по сборам на работу, я уже мчалась к лифту.

На работу я прибыла паинькой – за две минуты до начала рабочего дня, без капли макияжа, с благопристойным пучком, в кожаном плаще, не соответствующем промозглой погоде (но другого не было!) и в ладно сидящем по фигуре, но очень неброском джинсовом платье с глухим воротником и длиной юбки, целомудренно прикрывающей колени. Это платье было самым скучным в моем гардеробе, поэтому всегда висело в шкафу чистым и отглаженным и вынималось только в случае форс-мажорных обстоятельств, когда не было времени тщательно подбирать одежду. Сегодня был как раз такой случай. И судя по удивленно-ликующему взгляду секретарши, привыкшей к моим далеким от делового однообразия нарядам, мне удалось поднять ей настроение. Ангелина аж расцвела, поняв, что сегодня я ей не конкурент.

– Доброе утро, Жанночка! – пропела она, проплывая мне навстречу по коридору, и с нескрываемым злорадством посочувствовала: – Ты что заболела? Какая-то ты бледная.

Ангелину следовало бы назвать Дьяволиной – от козней этой длинноногой стервы страдала половина офиса.

– Доброе утро, Поганкина! – в тон ей протянула я и с удовольствием отметила, как вытянулось ее смазливое личико. А нечего меня бледной обзывать, когда сама с такой фамилией уродилась. Секретарша злобно зыркнула на меня и сердито застучала каблучками, сворачивая в приемную.

Ангелина с царской гордостью носила свое редкое имя и страшно комплексовала из-за фамилии. Сдается мне, именно по этой причине секретарша была одержима идеей выйти замуж – чтобы скорей вписать в паспорт фамилию, более подходящую своему ангельскому имечку. Своими откровенными домогательствами она донимала всех перспективных (выше сторожа) кандидатов, не делая различий между холостыми и женатыми. В данный момент Ангелина вела охоту на начальника службы безопасности Олега, и весь офис горячо сочувствовал бывшему военному, не обремененному семейными узами. Такого счастья, как Дьяволина, добродушному Олегу не пожелала бы и

отвергнутая, а оттого страшно злая на него усатая менеджер Карина.

Я юркнула в свой отдел, избавилась от плаща и расслабленно плюхнулась в рабочее кресло. Мне пришлось преодолеть такой марафон, чтобы успеть на работу за минуту до часа Х, что ноги на каблуках нещадно ныли.

– Наконец-то! – бросилась мне навстречу Саша. – Ты почему вчера не позвонила? Мобильный отключен, домашний не отвечает. Я уже не знала, что и думать!

– Извини, Саш, я вчера так устала. – Я блаженно растеклась в кресле.

– Жан, – осторожно поинтересовалась Саша. – Что это с тобой?

Нет, ну почему обязательно нужно обратить внимание на то, что я не накрашена? А я еще считаю ее своей подругой! Я обиженно отвернулась к стене, вытащила косметичку и быстренько нарисовала себе губки оттенка «Вишневые сливки», а потом пару раз провела щеточкой с тушью по ресницам.

– Так лучше?

– Классный блеск, – оценила Саша, – дашь в обед накраситься? И все-таки – что у тебя с рукой?

– С рукой? – Я опустила глаза и закусила губу, мгновенно подпортив глянцевую гладкость свежего блеска. Из-под тугого манжета платья выбился бинт, стягивающий запястье. Так получилось, что повязку я обнаружила только в тот момент, когда в спешке надевала платье. Подивилась неожиданной заботе маньяка, перевязавшего мне рану, но времени снять бинт у меня уже не было. Поэтому, спрятав его под манжет, я решила проверить состояние раны, улучив минутку на работе. Вот уж не ожидала, что рукав задерется по дороге в офис, а Сашка окажется такой глазастой! – Собака укусила, – брякнула я, застигнутая врасплох вопросом, и уставилась немигающим взглядом в монитор, давая понять, что не настроена на комментарии.

Но Саша не собиралась униматься. Наши столы стояли вдоль одной линии, и она просто развернула свое кресло ко мне и уставилась на меня с выражением молчаливой скорби.

– Ну что? – не выдержала я, оторвавшись от чистки почтового ящика от спама.

– Жан, я ведь твоя подруга, – напомнила Сашка, укоризненно глядя на меня из-под длинной золотисто-русой челки. – Ты можешь доверять мне.

Я запнулась о ее взгляд и мысленно выругалась. Нет, ну не рассказывать же ей, как я опозорилась в подворотне, сперва обомлев в объятиях маньяка, а потом упав лицом в лужу. Тогда моя репутация будет безнадежно подмочена. Сашка, конечно, никому не расскажет, но и я не хочу, чтобы у моего позора были другие свидетели, кроме меня и маньяка на букву Ж. Саша истолковала мое молчание на свой лад и осторожно сказала:

– Жан, я ведь обо всем догадываюсь.

– Да ну? – насторожилась я. – О чем это, интересно?

– О твоей руке… которую собака покусала.

Я спрятала запястье с повязкой под столом.

– Вот видишь! – укоризненно заметила Саша. – Не было никакой собаки. А если бы и была, ты бы сейчас вовсю размахивала руками и ругала почем свет зря и собаку вплоть до ее предков в десятом поколении, и ее безмозглого хозяина, и ныла бы у меня на груди, что ты не хочешь делать уколы от бешенства.

Это точно – я такая. Если меня разозлить – злость моя будет громкой, да и поныть я люблю – с чувством, с надрывом, в полный голос.

Я промолчала, признавая правоту Сашкиных домыслов и соображая, чего бы такого придумать.

– А сейчас ты отчаянно думаешь, что бы мне такого правдоподобного наврать, чтобы я от тебя отвязалась, да? – печально вздохнула Саша.

Я сконфуженно отвела глаза.

– Жан, он что, тебя бил? – обеспокоенно спросила подружка.

– Кто? – дрогнула я.

– Ну этот твой, ради которого ты вчера так расфуфырилась, – неопределенно пожала плечами Саша.

Ах, вот оно что! Сашка меня еще вчера весь день пытала, куда это я так вырядилась и не желала верить в то, что модное пальто и замшевые сапожки вытащены из шкафа ради заурядного похода на работу. В течение дня Саша выдвигала различные версии моего вечернего досуга: от романтического ужина до вручения премии «Гламур года», которая, по иронии судьбы, проходила вчера. Как бы мне хотелось, чтобы ее последнее предположение оказалось верным! Но вчера вместо того, чтобы блистать перед вспышками фотокамер в пафосном клубе, я, как какая-нибудь горемычная Золушка, месила глину в районе Котловки. Моими любимыми сапожками! Которые я с таким трудом отхватила на распродаже и которые теперь безнадежно погибли, как и пальто. А все подлый Однорог!

– Вот гад! – воскликнула тем временем Сашка.

– Ага! – поддакнула я, имея в виду зловредного Однорога. До вчерашнего дня он и не планировал браться за этот безнадежный заказ и даже выбросил заявку в мусорную корзину. А вчера ему захотелось меня унизить, и вот вам пожалуйста – дизайнерские шмотки безнадежно испорчены, а маньяк-кровопийца знает, где я живу.

– Он издевался над тобой? – голос Саши дрогнул.

Можно ли считать издевательством его вчерашнее задание?

– Еще как! – горячо подтвердила я. – Видела бы ты, какое удовольствие это ему доставляет!

– И как ты это только терпишь? – дрожа от возмущения, выкрикнула Саша.

– Сама себе поражаюсь. Наверное, все дело в том, что на носу распродажи.

– Жанна, – с ужасом протянула Саша, – и ты ради своих шмоток готова терпеть такое?!

– Ради того волшебного изумрудного топа от Фенди и шикарных джинс от Дольче я готова на все, – твердо сказала я.

– Ну уж нет! – Сашка вдарила кулаком по столу. – Я как твоя подруга просто обязана вмешаться и спасти тебя!

– Ты хочешь одолжить мне денег? – оживилась я.

– Я поговорю с этим отморозком! – решительно заявила она.

– Не надо, Саш, – испугалась я. Не хватало, чтобы еще подружка навлекла на себя немилость Однорога и тот сослал бы ее в наш бобруйский филиал, продавать какую-нибудь забытую богом свиноферму. А что, с него станется!

– Нет, я это так не оставлю, – горячилась Саша. – Он за все ответит!

– Не переживай, Саш, я сама найду повод с ним поквитаться, – мстительно пообещала я.

Со стороны Однорога было крайне неосмотрительно так унизительно наказать меня за потерю клиента. Разведенная рублевская дамочка Илона Горячкина, доверившая нам поиск нового жилища, была особой капризной, непостоянной и сама не знала, чего хотела. К несчастью, мучиться с мадам Горячкиной выпало именно мне. За последний месяц я подыскала для нее двадцать вариантов квартир и загородных домов. Горячкина не одобрила ни один! В первую встречу она не смогла четко сформулировать свои желания, и я предложила ей возможные варианты. Горячкина категорически отказалась от загородного дома и возжелала шикарные апартаменты в центре города с видом на Кремль. Когда таковые нашлись и я привезла мадам на место, Горячкина скептически оглядела башни Кремля, прошлась по балкону, вдохнув загазованного столичного воздуха, поразилась обилию машин под окнами и изрекла, что это совсем не то, чего она хочет. Илону осенило, что ей нужен домик в деревне! Точнее – не домик, а дворец, и не в деревне, а в элитном поселке, и чтобы под окнами – непременно пруд с лебедями, и чтобы воздух чистейший, как на курорте. Один из предложенных мной «дворцов» она отбрила, едва услышав название поселка:

«Девушка, и как вы себе представляете, что я скажу друзьям, что живу в Кузькино?!» После такого заявления предлагать ей дома в поселке Голубой залив и у реки Пипка, на осмотр которых я потратила два рабочих дня, я не решилась. В Царской Горке Горячкиной не понравился дом, в Радужном слишком громко квакали лягушки. При звуках их пения, Илону осенило снова: в деревне она жить не может, ей нужна только городская квартира. Сашка к тому моменту успела провернуть три сделки и получить хороший процент, а я все мучилась с Горячкиной. Словом, после того, как Илона забраковала двадцатый вариант, я не выдержала и высказала мадам все, что думаю о ее деловом подходе. Горячкина, в соответствии со своей фамилией, разобиделась на смерть, отказалась от услуг нашего агентства и ушла изводить конкурентов. А Однорог, на которого Илона напоследок излила весь запас своего яда, в свою очередь, обозлился на меня и устроил выволочку за потерю особо ценного клиента!

– Лучше бы тебе забыть о нем раз и навсегда, – посоветовала Саша. – Мужчина, способный на такое, не достоин твоего внимания!

– Я бы и рада забыть, да не могу.

– Жанна, – Саша даже поперхнулась от возмущения, – только не говори, что ты его любишь!

– Да я его терпеть не могу!

– Что же тебя связывает с этим негодяем? Ну, кроме денег, которыми он тебя спонсирует?

– Спонсирует? – рассердилась я. – Да он за эти жалкие гроши из меня всю душу выматывает!

– Ну, и разве это того стоит? – справедливо заметила Саша.

– А ты как думаешь? – риторически вздохнула я. Сашке ли не знать, какая тут зарплата! Чтобы заработать на брендовую сумочку, нужно месяц горбатиться, как Папа Карло.

– Я думаю, тебе стоит порвать с ним немедленно! – безапелляционно заявила подруга.

– Что, прямо вот так вот пойти и написать заявление об увольнении?

– При чем тут увольнение?

– Ты же только что посоветовала мне порвать с Однорогом. А для этого есть только один способ – уволиться из «Милого дома».

Сашка изменилась в лице и гневно проскрежетала:

– Жанна, так это он? Это Однорог? Он с тобой сделал это? Старый извращенец!

– Сашка, ты чего? – заволновалась я. – Ты о чем?

– Это он тебя избивает? Это его рук дело? – Она указала на мое забинтованное запястье и смятенно проскулила: – Жанна, так ты с ним…

– Саш, перестань молоть чепуху, – вскипела я. – Как тебе такое только в голову могло прийти?! А еще подруга называется.

– Но ты же только что сама говорила… – растерялась Саша.

– Я говорила, что Однорог измывается надо мной как мой босс. Тебе ли об этом не знать? А ты чего себе напридумывала?

– А я думала, ты говоришь о своем любовнике-садисте.

– Ну и фантазия у вас, барышня!

– Тогда кто он? – нахмурилась Саша.

– Кто он? – в замешательстве повторила я, думая, чего бы такого соврать, чтобы не говорить правду о маньяке. – Он хороший парень. И никакой не садист!

– Блондин или брюнет?

– Брюнет, – ответила я и прикусила язык. А впрочем, что такого? Хочет Сашка найти виновного в моей травме, флаг ей в руки и помело в придачу. Навру, что попали с ним в легкую аварию – и дело с концом.

– Он что, знаменитость какая, раз ты его так скрываешь, даже от меня? – продолжила раскалывать меня подруга.

Тут в голове у меня что-то перемкнуло, и перед глазами побежали кадры черно-белого французского фильма с темноволосым красавцем в роли бесстрашного мушкетера… Так вот кого мне напомнил мой маньяк – актера из любимого фильма моей мамы! Но этого не может быть. Фильм снимали полвека назад, а маньяку – от силы лет тридцать. Столько же, сколько было актеру на момент съемок фильма… И этот укус его странный, и эти прикосновения его, с ума сводящие… Да нет, ну не может же этого быть! Ой, мамочки…

– Ну точно, – воскликнула Саша, расценив мое потрясенное молчание как знак согласия. – Он какой-нибудь чокнутый суперстар, который не слезает со страниц таблоидов, и ты боишься, что слухи о вашем романе просочатся в прессу, и даже мне словечка не говоришь!

– Ой, Сашка, не придумывай! – слабо возразила я, чувствуя себя невестой Дракулы. – Что-то мне нехорошо, сделаешь кофейку?

Заботливая подружка мигом сорвалась с места, схватила чайник и унеслась за водой. Убедившись, что осталась в комнате одна, я быстро расстегнула манжет и размотала бинт.

Бурые пятна на марле свидетельствовали о том, что рана была и укус мне не приснился. На запястье остался ровный разрез, как от хирургического скальпеля, на его краях запеклась кровь, но рана уже медленно затягивалась. Уф, значит, вампиром я не стала, иначе бы под бинтами обнаружилась целая кожа безо всяких повреждений. Я в облегчении откинулась на спинку кресла и уставилась в ставшие блюдцами глаза Сашки, с ужасом замершей у стола. Видно, я слишком долго медитировала над порезом, а Саша слишком торопилась сделать мне чашечку кофе.

– Жан, – ее голос дрогнул, – ты что, Жан… Ты это из-за него? Из-за этого придурка?

– Сашка, ты что говоришь! – Я почуяла неладное.

– Жан, ты из-за этого урода себе вены резала? – Саша сдавленно всхлипнула. – Он тебе что, изменил, Жан? Он тебя бросил, Жан? Лучше бы он тебя побил… А ты, Жан… Сама!.. Жан…

Когда подруга начинает вставлять мое имя через каждое словечко, значит, вот-вот разразится буря и слезопад.

– Александра, перестань пороть чушь! – возмущенно прикрикнула я, и готовая разрыдаться Сашка умолкла. Александрой я называла ее только в минуты гнева, и полное имя из моих уст обычно действовало на нее отрезвляюще.

Чувствуя себя героиней какого-то дурацкого фарса, я малодушно соврала:

– Мы попали в аварию.

Не говорить же подруге, что на меня напал маньяк с повадками вампира?

– Мы ехали на машине, и я поранилась о стекло, – отводя глаза, уточнила я.

– Жанна, ну что ты врешь! – в сердцах воскликнула Саша.

– Александра, я не знаю, что ты там себе напридумывала, но это – чудовищная ложь! – взбеленилась я. – Я не такая дура, чтобы резать себе вены из-за каких-то там тупых блондинов!

– Брюнетов, – поправила меня подруга.

– Тем более – брюнетов, – ледяным тоном подчеркнула я.

– А что же тогда произошло? – обеспокоенно спросила Саша.

А ведь ее не остановишь, уныло подумала я и трагическим тоном поведала:

– На меня напал маньяк…

Версия про маньяка, который черной тенью возник из-за угла и полоснул меня по запястью острой бритвой, Сашку вполне устроила. Она охала, ахала, тактично не стала выспрашивать подробностей и не выказывала недоверия, будучи убежденной в том, что такими вещами не шутят.

– Что ж ты мне сразу не сказала? – мягко пожурила она меня.

– Не хотела тебя расстраивать. – Я отвела глаза.

– Ну ладно, все хорошо, что хорошо кончается, – приободрила подруга и поспешила перевести разговор в рабочее русло, дабы отвлечь меня от мрачных мыслей. Я только и рада была.

Вот только сосредоточиться на рекламном описании заброшенного завода для базы данных я не могла. Перед глазами стоял неотразимый Жан в своем эксклюзивном пальто, и я не могла сочинить не строчки. Я выпила две больших чашки кофе, но в голове так и не прояснилось. Зато наконец-то стало светлей за окном, и я порадовалась началу дня, предвкушая, как возрастет моя трудоспособность с появлением солнышка. Впрочем, в это время года рассчитывать на солнце было бы наивно, но даже при тусклом естественном освещении моя голова соображает существенно лучше, чем при свете мощнейших офисных ламп. Я хмыкнула, вспоминая записку, оставленную мне маньяком, и набрала первые строчки объявления…

Целый час я просидела за клавиатурой, не разгибаясь, а потом меня отвлек какой-то странный бряцающий звук. Я в недоумении оглянулась на Сашку, которая в нашем кабинете на двоих могла быть единственным источником шума, и обнаружила, что она в изумлении таращится на меня.

– Жан, тебе холодно? – обеспокоенно спросила она.

И только тогда я поняла, что странный бряцающий звук издают мои зубы, а пальцы, переставшие быстро стучать по клавишам, мгновенно заледенели.

– Жан, я заметила, что ты стучишь зубами, и включила кондиционер на обогрев, – растерянно поведала Сашка, обмахиваясь пластиковой папкой. – Ты немного согрелась, но потом опять дрожать стала. Я еще жару добавила. Потом еще, и еще… А ты все зубами стучишь и ежишься.

Стараясь унять дрожь и перестать выстукивать зубами траурный марш, я ошарашенно смотрела на Сашу, сбросившую жакет и оставшуюся в легкой кофточке с короткими рукавами, на ее раскрасневшееся от тепла лицо, на папку-веер в ее руках и понимала, что в кабинете стоит просто курортная жара – градусов тридцать, не меньше. Закусив губу, я подняла глаза на кондиционер.

– Я поставила его на максимум, – сообщила Саша. – Жан, ты не заболела?

Я обхватила себя за руки и потерла ладонями предплечья, стараясь согреться.

– Жан, да тебя знобит не по-детски, – сочувствующе пробормотала Саша, вскакивая с места. Через мгновение ее обжигающе-горячая рука уже щупала мой лоб. – Да ты ледяная, как покойник, – вконец обеспокоилась подруга.

– Наверное, простыла вчера, пока домой возвращалась, – глухо сказала я.

– Да нет, подруга, у тебя не простуда, иначе бы ты сейчас температурила, – озабоченно ответила Сашка, – а у тебя озноб. Наверняка, вирус какой-то подхватила.

Я вздрогнула и, наверное, еще больше посерела лицом, заставив Сашу разволноваться еще сильнее.

– Вот что, – решительно объявила она, – давай-ка быстро собирайся домой, а я пойду кого-нибудь из наших водителей найду.

Вообще-то личный шофер полагался только высшему руководящему составу, но у меня уже не было ни сил, ни желания возражать. На метро я в таком состоянии точно не доеду. Сашка умчалась восвояси: отпрашивать меня у Однорога и договариваться о транспортировке моего холодного тела в родные пенаты.

Через несколько минут в кабинет ворвалась недоверчивая Ангелина.

– А, Геля, ты, – радостно приветствовала ее я, зная, как секретарша ненавидит, когда сокращают ее роскошное имя.

– Да уж, покойники и то лучше выглядят, – довольно хмыкнула вредина и отбыла восвояси, с притворным сочувствием пожелав мне скорейшего выздоровления.

Меня по-прежнему бил озноб, но к щекам прилила кровь, и они отчего-то заполыхали – не иначе как температура в кабинете достигла тропической. Я, покачиваясь, добрела до кондиционера (возле окна меня ощутимо обдало волной жара, и я даже зажмурилась и закрыла лицо руками) и отключила обогрев. Доползти до кресла я не успела – по мою душу явились Сашка и водитель Артём.

– Вот это да, – протянул Тёма.

– Я же говорила – инфекция! – чуть не плача, всплеснула руками Саша. – Жан, ты краснухой в детстве болела?

– Не помню, – прохрипела я и попыталась пошутить. – А что, морда прекрасная? Дьяволина пять минут назад радовалась, что зеленей моей рожи только баксы.

– Надеюсь, ты на нее дыхнула как следует и горячо облобызала на прощание? – проворчала Саша, втряхивая меня в плащ.

– Не догадалась, – расстроенно протянула я, стараясь не дышать в сторону Саши.

– Ты чего это от меня нос воротишь, а? – хмыкнула она. – Я краснухой в школе болела. У меня иммунитет. Так что чихай смело.

– А на него? – Я покосилась на Тёму, разглядывавшего меня, как кенгуру в зоопарке.

– Зараза к заразе не пристает, – ухмыльнулся тот, принимая меня из заботливых Сашкиных рук и умудряясь при этом стоить глазки моей блондинистой подружке. – Но на всякий случай сзади поедешь, – уточнил он уже в машине, усаживая меня сзади, по диагонали от своего кресла.

Всю дорогу я исподлобья таращилась на его шею, как назло неприкрытую даже воротником или шарфом, и рассеянно думала о том, что действие всех фильмов про вампиров приходится всегда на летнее время, когда дамы стремятся выставить на всеобщее обозрение максимум обнаженного тела, да и кавалеры ограничиваются минимумом одежды. А вот попробуй доберись до шеи или запястья зимой – сколько одежек сперва следует снять, сколько шарфов размотать, сколько перчаток сорвать…

– Теперь куда? – оторвал меня от кровожадных мыслей веселый голос ничего не подозревающего Тёмы.

– Направо, – клацнула зубами я.

– Держись, старушка. Сейчас уже прибудем! – приободрил меня он. Видимо, видок у меня и впрямь был аховый, потому что остряк Тёма даже не вздумал подтрунивать над моим состоянием.

Тёма проводил меня до самой квартиры, и я с облегчением отметила, что ни вчерашнего маньяка, ни его подозрительных сотоварищей у моего порога не наблюдается. Артем, пожелав мне скорейшей поправки, отбыл восвояси, а я на заплетающихся ногах доковыляла до зеркала и от изумления даже икнула.

Было, от чего начать заикаться. Из зеркала на меня таращилась опухшая красная рожа совершенно кошмарного вида, весьма анекдотически смотревшаяся в сочетании со строгим джинсовым платьишком. Я доползла до спальни, сбросила платье и напялила на себя просторную хлопковую пижаму, которая вынималась из шкафа только на время болезни.

Пока переодевалась, обнаружила, что краснуха, если она и имеет место быть, ограничилась моим лицом, шеей и ладонями, совершенно не затронув тех частей тела, которые были спрятаны под одеждой, и засомневалась, верен ли диагноз, поставленный Сашкой. Та была легка на помине – позвонила, чтобы узнать, как я добралась, и я послушно отрапортовала, что занос тела прошел благополучно и без эксцессов.

– Значит, жить будешь, – удовлетворенно заключила подруга, успокоенная моим шутливым тоном, и строго уточнила: – Врача уже вызвала?

– Когда? Только переодеться успела.

– Не тяни. А то знаю я тебя…

Тот факт, что поликлиники и больницы наводили на меня смертную тоску, и я до последнего старалась увильнуть от их посещения и общения с докторами, Сашка за время знакомства со мной прекрасно уяснила.

– Я бы сама тебе врача вызвала, чтобы наверняка, но полиса твоего не знаю, – с сожалением протянула она.

Клятвенно заверив подругу, что по окончании нашего с ней разговора я сразу же наберу номер поликлиники и вызову районного эскулапа на дом, я быстро с ней распрощалась, вынула телефонный шнур из розетки, отключила мобильный, задернула шторы и, едва добравшись до кровати, мгновенно провалилась в сон.

Глава вторая

Клуб гламурных вампиров

Вопрос о вступлении в Клуб рассматривается городским Советом старейшин.

Из международного Пражского договора 1956 года

Проснулась я около семи вечера. За окном было темно, а в голове – на удивление ясно. Взгляд, брошенный в зеркало, не ужаснул, а даже порадовал. Лицо уже не алело советским флагом, а сделалась розовым, словно я чуточку обгорела на солнце. Руки и ноги перестали выплясывать дрожь от озноба. Правда, в квартире, которая всегда казалась мне теплой и хорошо натопленной, мне все-таки было прохладно. Пришлось утеплиться шерстяными носками, которые бабушка Зина с маминой стороны с маниакальным упорством вязала и дарила мне каждый год, не желая понимать, что хуже шерстяных носков для современной модницы – только рейтузы с начесом. К счастью, другая моя бабуля, Лиза, была прямой противоположностью бабе Зине и исключительной модницей. Но о ней я расскажу как-нибудь в другой раз.

Вторым делом я отыскала градусник и нырнула под плед на диванчике перед телевизором, лениво щелкая пультом.

На одном из ток-шоу я задержалась, заметив в кадре знакомое лицо. Инесса Раевская, владелица шикарного мультибрендового бутика, единственного на всю Россию, в котором были представлены коллекции двух люксовых марок, была частой гостьей светской хроники и телевизионных шоу. Для меня элегантная и холёная Инесса была воплощением гламурной мечты. Безупречная модница сверкала бриллиантами и остроумием, демонстрировала новые модные туфли и харизму высшей пробы, проявляла поразительную осведомленность во многих областях знаний, будь то мода начала XX века, живопись импрессионистов или мировая политика.

На этот раз речь шла о рынке подделок. Инесса в элегантном красном костюме и модных туфельках выглядела сошедшей со страниц журнала. Изящно сложенная, прекрасная, с блестящей волной каштановых волос, с безупречным макияжем – я привычно залюбовалась ее кричащим совершенством и чуть не прослушала все, что она говорила. Уловила я только последнюю ее фразу. Инесса заявила, что носить сумку, сделанную китайскими умельцами по образу настоящей Прады, все равно, что слушать «Божественную поэму» Данте в вольном пересказе деревенского тракториста.

Ее слова были заключительными в выступлении гостей, после чего инициативу перехватил ведущий и, спешно подведя итоги программы, распрощался со зрителями. Жаль, что я попала на самый конец, интересная была программа!

Я машинально перещелкнула канал и взглянула на градусник. Он показывал 34,2 – безжалостно констатируя тот факт, что с такой температурой не живут. Люди, по крайней мере. А если сложить вместе укус французского маньяка в запястье и показания термометра, было, от чего приуныть.

Я неисправимая оптимистка, живущая под девизом «Все, что ни делается, все к лучшему». Поэтому даже в своем внезапном вампиризме я в первую очередь отыскала десять причин порадоваться:

1. Я живая. Относительно.

2. Я доживу до премьеры шестого «Гарри Поттера» и, если повезет, до последнего сезона «Остаться в живых». Если только раньше не помру от любопытства.

3. Я здорово сэкономлю на парикмахерской и эпиляции, так как мои волосы перестали расти.

4. А также на суши, шоколаде и тирамису, т. к. потребность в пище у меня отныне отпала.

5. А еще на ботоксе, ретиноле, стволовых клетках и пластической хирургии, т. к. вечная молодость отныне у меня в крови.

6. Не придется изводить себя диетами и фитнесом. Где вы видели толстого обрюзгшего вампира?

7. С моим магнетизмом я смогу выбивать фантастические скидки в магазинах.

8. И влюблять в себя самых прекрасных мужчин, которые прежде были мне недоступны. Держитесь, Данила Козловский, Киану Ривз и Джуд Лоу!

9. И читать мысли прекрасных мужчин и все-всех-всех окружающих.

10. Наконец-то я смогу исполнить свою давнюю мечту и заняться фрилансом, а не просиживать целые дни в офисе.

Я посмаковала эти десять причин и так и этак, а уже потом расплакалась. Надо же, улыбнулась я сквозь прозрачную пелену, а слезы у меня есть, и отнюдь не кровавые. А вот жажды и стремления немедленно вонзить зубы кому-нибудь в шею – нет.

Вспомнив еще об одном признаке вампиризма, я галопом проскакала в коридор и с опаской заглянула в зеркало. Фух! Отражения я своего не лишилась. А если это временно и оно сейчас пропадет? Я опустилась на пол, оперлась руками о трельяж и уронила на них голову, не сводя глаз с зеркала.

Так я просидела целый час, внимательнейшим образом изучая и запоминая каждую черточку, каждую ресничку и этот противный прыщ над губой, будь он трижды неладен, и трепеща при одной мысли о том, что вот-вот отражение развеется на веки вечные и я больше никогда не увижу себя со стороны. Хорошо хоть, мое увлечение женскими журналами не прошло зря, и я научилась краситься вслепую. Но разве без зеркала возможно воспроизвести сложный макияж, нанести на веки три вида теней и подвести глаза тончайшей стрелкой? Придется обзавестись личным стилистом. Только как ему объяснить, почему меня все зеркала отказываются транслировать? Да, незадача… У меня окончательно затекли ноги, а желудок начал выводить настойчивые рулады, напоминая о том, что время ужина уже давно наступило, и я поднялась с пола в самых растерянных мыслях.

Может, я все-таки жуткая паникерша и суеверная дура? Нет, ну надо же было и впрямь поверить в то, что я стала вампиром, да еще придумать десять причин себе в утешение! Принять банальную краснуху за вампиризм – какие глупости!

Приободряя себя таким образом, я быстренько сварила и проглотила десяток пельменей. А эти нелепые «Сиди дома, задерни шторы, жди гостей» – просто бред неудавшегося маньяка, возомнившего себя наследником Дракулы. «Как я могла на это купиться?» – радостно думала я, ополаскивая тарелку.

Звонок в дверь прервал мои радужные размышления и заставил насторожиться. Поклявшись себе, что дверь открывать не буду, только в глазок посмотрю, я на цыпочках прокралась в коридор, заглянула в глазок и загремела ключами.

– Привет! Ты новенькая? – На пороге стояла неизвестная девчонка, как две капли воды похожая на Пеппи Длинный Чулок. Курносый нос, золотые точечки веснушек, фантастически голубые глаза и две задорные косички, торчавшие в разные стороны, с резиночками, украшенными подсолнухами. Только волосы у нее были не рыжие, а каштановые. Да и никаких длинных чулок не было и в помине. На гостье были простые голубые джинсы с заниженной талией и белая спортивная куртка, из-под которой выглядывала хлопковая желтая маечка. На ногах – кроссовки, за спиной – спортивный рюкзак.

У меня не было никаких сомнений в отношении того, кто ко мне пожаловал… «Жди гостей», мой искренний порыв открыть ей дверь, как будто ко мне явилась старинная подруга, и это ее «новенькая» подтверждали мои самые худшие опасения. …Но это было просто невероятно! Вампирша, которая выглядит как

пионервожатая (все-таки она была постарше Пеппи, хотя ее с первого взгляда и можно было принять за школьницу) и разгуливает по городу в кроссовках и со спортивным ранцем, – это выше моего понимания. А может она все-таки никакая и не вампирша, а какая-нибудь активистка бойскаутов, ошибившаяся дверью?

– Жанна, так я могу войти? – поторопила меня она.

Нет, все-таки вампирша, окончательно разочаровалась я и приуныла. Значит, все эти сказки про то, что вампиры не могут войти в дом без приглашения, не сказки вовсе. Это что же, я теперь навеки вечные обречена топтаться у порога и вымаливать официального приглашения у новых приятелей? Учитывая, что этикет нынче не в чести, тяжко же мне придется. В лучшем случае – засмеют, а в худшем…В худшем – мне и в магазины с клубами без персонального приглашения вход заказан. Катастрофа!!!

– А сама войти не можешь? – усмехнулась я, отгоняя невеселые мысли.

– Могу, конечно, – хмыкнула Пеппи, и голубая кроссовка переступила порог, а в синих глазах заиграли смешинки, потешаясь надо мной. – Просто я воспитанная, знаешь ли!

Поскольку я продолжала столбом стоять в дверях, Пеппи добавила:

– Чего не скажешь о тебе! – И, деликатно подвинув меня плечом, вошла в квартиру. Затем скинула кроссовки, пригладила челку перед зеркалом и мягко спросила: – Ну ты как уже, оправилась?

Я неопределенно пожала плечами.

– Не волнуйся, покраснение пройдет – это реакция организма на дневной свет, – внимательно разглядывая меня, успокоила она. – Нет-нет, – предвидев мой вопрос, добавила она, – это не навсегда, только на время, пока твой организм перестраивается. Дня три тебе лучше посидеть дома за закрытыми шторами. Зря ты не послушалась Жана и пошла на работу.

Я чуть не сползла по косяку вниз, выслушивая подобные откровения, окончательно подтвердившие мои худшие опасения.

– Так где мы можем поговорить? – поторопила меня гостья.

Пришлось смириться с неизбежным, закрыть входную дверь и пригласить ее в комнату.

– Не пойдет! – возразила она, заглянув в предложенные «апартаменты». – Нам понадобится стол.

– Жертвенный? – мрачно уточнила я, совершенно не зная, как себя вести со странной гостьей.

– Письменный, – ухмыльнулась Пеппи. – Жанна, расслабься, я не кусать тебя пришла, а помочь.

– Ты хочешь обучить меня чистописанию? – ехидно поинтересовалась я.

– Я хочу тебе преподать основы безопасности жизнедеятельности вампиров и введение в вампирологию, – хихикнула та. – Добро пожаловать в наш элитарный Клуб красивых, модных и голодных!

Любопытство пересилило. Кроме того, невозможно было ожидать подвоха от девочки со внешностью озорной сказочной героини, и я пригласила ее на кухню. Пеппи тут же вольготно расположилась на диванчике и, выудив из рюкзака кипу распечаток и несколько брошюр, разложила их на столе. Я опустилась рядом, недоверчиво вглядываясь в названия. «Памятка новообращенного V.I.P.», «Путеводитель по Клубу», «Инструкция по безопасному питанию».

– А «Кулинарной книги вампира» нет? – мрачно пошутила я.

– Все есть. Но давай обо всем по порядку. – Она кивнула на брошюры. – Здесь все сведения, которые тебе понадобятся для начала. Вот телефоны кризисного центра, скорой помощи и команды спасения. Вот координаты нашего такси и службы занятости…

– Пеппи, ты это серьезно? – вырвалось у меня.

– Как ты меня назвала? – Она даже замерла от удивления.

– Ты похожа на Пеппи Длинный Чулок, – сконфуженно пояснила я. – Эти косички…

– Вообще-то мое настоящее имя Пенелопа, и мама меня в детстве называла Пеппи, – хихикнула вампирша.

Это какой же надо быть оригиналкой, чтобы назвать свою дочь Пенелопой?! Мое изумление не укрылось от внимания гостьи, и она расхохоталась, видимо, прочитав мои мысли.

– Я гречанка, – сообщила она. – И это нормальное греческое имя.

– Что-то непохожа ты на гречанку… – Я окинула недоверчивым взором ее голубые глаза и курносый нос. Разве что кожа чуть смугловата для славянского типа… Но ведь даже акцента никакого в речи нет!

– У меня только папа грек, а мама – с Украины, – охотно пояснила вампирша. – Я в нее уродилась, а от отца мне только темные волосы достались. Русскому меня еще мама научила, а от акцента я окончательно избавилась, обжившись здесь.

– Понятно, – протянула я. – И как ты предпочитаешь, чтобы тебя называли – Пенелопой или Пеппи?

– Зови меня Светланой, или просто Ланой, я на это имя уже восемь лет откликаюсь, – хихикнула вампирша, с удовлетворением проследив, как окончательно вытянулось мое лицо. – Совсем тебя запутала, да? У нас традиция такая: каждый раз, переезжая в другую страну, для маскировки брать новое имя. Так что родители меня Пенелопой назвали, а за время своих скитаний по миру я уж столько имен поменяла, что родное почти забыла. А еще у здешних новичков мода – в знак начала новой жизни брать новое имя. Сама понимаешь, тут у Маш, Даш и Наташ начинается такой полет фантазии, что в ход идут самые редкие и изысканные имена. Анжелика и Диана из них еще самые простецкие. Так что если тебе свое имя не по душе, можешь тоже переименоваться, – щедро предложила она.

– Спасибо, меня все устраивает. Ничего менять я не хочу.

Лана внимательно посмотрела на меня и прозорливо заметила:

– Только хочешь ты того или нет, а жизнь твоя все равно уже изменилась. С того самого вечера, когда Жан тебя встретил. Ты, Жанна, теперь одна из нас. И этого уже ничто не изменит.

– А меня кто-нибудь спросил, посоветовался, послушал? – закипела я.

– Жанна, ты просто поразительная девушка! – Вампирша аж смехом захлебнулась.

– Да что смешного-то? – обиделась я.

– Да то, что по правилам Пражского договора с 1956 года новичков инициируют только с их согласия. Но ты же девушка уникальная – сама за себя все решила, Жан и опомниться не успел, – продолжила веселиться Светлана.

– Ты о чем? – насторожилась я.

– Объясняю: наше состояние – сродни пропуску в элитный тайный клуб. Поэтому обычно добро на инициацию дает совет старейшин, предварительно проходит общее голосование, а кандидатов избирают из числа талантливых и одаренных людей и тщательно проверяют…

Я вспыхнула: а я, значит, неодаренная и бесталанная выскочка, проникшая в клуб в обход фэйс-контроля?!

– Ты в своем роде исключение, – продолжила Лана, – потому что тебя Жан инициировал без предварительного запроса и, как он утверждает, вопреки своему желанию, совершенно случайно. Перед тем как бежать в Париж, он клялся и божился, что это ты набросилась на него, как фурия, разбила ему нос и сама испачкалась в его крови – он и сделать ничего не успел. Это правда? – Вампирша с любопытством уставилась на меня.

– Так этот трус сбежал? – обрадовалась я.

Отличная новость! А то я уж волновалась, что этот мерзкий тип возьмет надо мной шефство, и я буду вынуждена терпеть его выходки до конца бессмертия.

– Думаю, он испугался не меньше, что ты настоишь на том, чтобы он стал твоим наставником, и выпьешь из него всю кровь, – засмеялась Светлана, и в ее хрустальном смехе мне послышались фальшивые нотки. Как будто она чего-то недоговаривает.

Я пристально взглянула на вампиршу: она поспешно отвела глаза, еще больше укрепив меня в подозрениях, и торопливо продолжила посвящать меня в курс молодого кровопийцы, выкладывая на стол пособия и распечатки.

– Это ты сама прочитаешь, – в сторону легли «Памятка» и «Инструкция». – А вот и наша кулинарная библия. – Лана протянула мне иллюстрированный томик под названием «Книга о вкусной и здоровой пище. V.I.P.-кухня». – Очень рекомендую, ее составлял шеф-повар из наших – с учетом наших вкусовых пристрастий и потребностей в питательных веществах. Все рецепты сбалансированы с учетом здорового питания, так что за фигуру можешь не беспокоиться.

– Лан, я что-то не понимаю, – смутилась я, листая глянцевые странички с фотографиями готовых деликатесов. – Вампиры же не едят человеческую еду?

– А какую же они едят, собачью? – хмыкнула она. – Или, может, хомячью?

– Ну, мы же мертвые, пищеварение у нас не работает, для того, чтобы ноги не протянуть, нам нужна только кровь… – протянула я, покосившись на раковину, где лежала недомытая тарелка из-под пельменей.

Стоп! Я сказала – нам?!

– Дорогая, – Светлана ласково улыбнулась, – кто тебе сказал такую чепуху?

– Что вампирам нужна кровь? – недоуменно переспросила я.

– Что ты мертвая?

– А я живая?! – опешила я.

– Не хочу тебя расстраивать, – хихикнула Светлана, – но что-то я у тебя не вижу ни трупных пятен, ни трупного окоченения, ни запаха разложения.

– Но как же так, – взволнованно прошептала я. – У меня температура 34,2. И у меня сердце не стучит!

– Ты в зеркало смотрелась? – хмыкнула Лана.

– Ага, – коротко ответила я, решив не распространяться о том, как просидела целый час у трельяжа, опасаясь, что мое отражение вот-вот растает.

– Дышать на него не пробовала?

Дышать на него? Да я вздохнуть боялась, чтобы не спугнуть удачу, решившую оставить мне отражение, вопреки всем законам бытия вампиров. Без эпилятора я как-нибудь проживу, но без макияжа – не в жизнь!

– Иди, подыши, – со смешком посоветовала вампирша.

Через секунду я уже была в коридоре. Отражение по-прежнему пребывало со мной, и стекло не замедлило покрыться мутной пленкой, стоило мне выполнить совет Светланы. Я дышу – следовательно, существую?!

Растерянная, я вернулась на кухню, где гостья по-хозяйски включила чайник и, разыскав в шкафу вафли, с аппетитом хрустела ими, развеивая очередное мое заблуждение.

– Убедилась? – спросила она.

– Так я живая? – недоверчиво повторила я. – Но температура, но сердце?

– Сердце у тебя стучит, только очень медленно. Если бы ты была человеком, ты бы сейчас лежала в коме.

У меня подкосились ноги. Я всегда была очень впечатлительной девушкой и сейчас во всех подробностях представила реанимационную палату, сальные

космы на казенной подушке, серое лицо, впавшие щеки, закрытые глаза, паутину из трубок и капельниц, опутавших мои руки, и до слез горький запах больницы, который не перебьешь никакими духами.

– Но для вампира такое сердцебиение нормально, – успокоила меня Светлана. – И такая температура в порядке вещей.

– Что-то я не пойму, мы мертвые или как? – напрямик спросила я.

Я опять сказала «мы»? Ужас, так и до вступления в клуб юных вампиров – рукой подать!

– Мы другие. Но если говорить с точки зрения медицины, то мы – больные. Зараженные вирусом смерти – отсюда и низкая температура тела, и замедленное сердцебиение. Но у нас есть ген, позволяющий нам комфортно существовать при таких условиях, при которых люди уже давно лежали бы живыми трупами в реанимации. И у нас есть особая потребность в питательных веществах, максимальное количество которых содержится в живой крови. Она для нас – как витамин, позволяющий поддерживать организм в здоровом состоянии, и как лекарство одновременно. Без нее мы погибнем, а с ней можем жить долгие годы.

– Значит, бессмертие все-таки не миф? – обрадовалась я.

– Я бы не назвала это бессмертием, – возразила Светлана. – Скорее – высокой продолжительностью жизни. Средняя цифра для нас – двести восемьдесят шесть лет, нынешним долгожителям – за четыреста лет.

– Ничего себе, – восхищенно присвистнула я. Всегда мечтала заглянуть в будущее и посмотреть на моду и технологии 22-го века. Интересно же, о чем будут печатать статьи в «Космополитене» сто лет спустя, какие модельеры придут на смену Лагерфельду и Гальяно и будет ли «Шанель» по-прежнему в моде! А теперь мои мечты, похоже, обрели реальные перспективы. – А после четырехсот что – старость наступает?

– Хорошая новость: от старости мы не умираем. Программа разрушения клеток у нас остановлена. Так что старение нам и впрямь не грозит. Плохая новость: от несчастных случаев смертность высока в любом возрасте. Так что главный друг

долгожителя – осторожность. Ну и, само собой, нужно не забывать правильно питаться и вести ЗОЖ.

– Чего-чего вести?

– Здоровый образ жизни, – расшифровала вампирша.

Это она имеет в виду бег за жертвой по ночным улицам, прыжки в высоту и скалолазание по высоткам без альпинистского снаряжения?

– Ты себя как чувствуешь-то? – проявила заботу Лана.

– Сносно.

– У тебя сейчас как раз период острого заражения, – пояснила вампирша. – В течение трех суток после попадания вируса в кровь происходит перестройка организма. Возможны озноб, тошнота, галлюцинации, покраснение кожи и резь в глазах как реакция на дневной свет.

– А ты точно не галлюцинация? – вымученно улыбнулась я.

– Хочешь, укушу? – игриво предложила вампирша. Я поспешно открестилась от ее предложения, и она продолжила свою лекцию:

– Послезавтра ты окончательно адаптируешься и сможешь беспрепятственно выходить из дома. Правда, реакция на свет у всех очень индивидуальна. Кому-то достаточно нанести солнцезащитный крем, чтобы безо всяких неудобств разгуливать по городу в солнечный день. Но это скорее исключение. Обычно яркий свет нам неприятен, в облачные дни под прикрытием хорошего крема мы можем без проблем выходить из дома, так что осень и зима для нас – просто благодать. А вот летом приходится переходить на ночной образ жизни и маскироваться под заядлых тусовщиков.

– Так значит, я смогу жить, как всегда, и работать на прежнем месте? – удивилась я.

– Ну, если ты захочешь, – как-то подозрительно саркастично хмыкнула Светлана и продолжила разбор листовок. – Вот здесь указаны все наши заведения. – Она развернула карту, пестревшую пронумерованными флажками, кружками, квадратами и треугольниками. – Флажки – это кафе и рестораны, где собираются наши, там есть специальное меню. Квадраты – это клубы. Треугольники – это служебные квартиры, на которых мы собираемся для решения важных вопросов. Кружки – станции переливания крови, с которыми у нас существует договоренность. Вот держи талоны, – она положила передо мной стопку заполненных квитков, похожих на больничные рецепты. – На первое время тебе хватит. Если станет невмоготу, а использовать человека не решишься, приходи туда.

– Ты это серьезно? – не поверила я, взирая на вампирскую карту Москвы, испещренную значками. Ночной клуб на Тверской, рестораны на Лубянке и Ленинском проспекте, служебная квартира на Арбате, пункт переливания крови на проспекте Мира.

– А ты проверь, – подмигнула Светлана, выкладывая поверх бумаг черную пластиковую карту с большой золотой буквой V.

На обратной стороне оказалась моя фотография в профиль, сделанная «Полароидом» у входа в офис, здесь же были указаны имя, фамилия, отчество, дата рождения и дата «вступления в Клуб» – роковой день встречи с Жаном.

– Это твоя клубная карта, – прокомментировала Лана, – по ней тебя примут и обслужат во всех наших заведениях. Первое время будешь предъявлять, пока тебя не запомнят. А это, – она выложила на стол красную карточку все с той же золотой V, – твоя накопительная карта. На нее уже зачислены 300 000 рублей.

Я непонимающе уставилась на вампиршу, исполнявшую роль Снегурочки.

– Вроде не Новый год? С чего вдруг такая щедрость? Или это компенсация за моральный и физический ущерб, причиненный при насильственном обращении в клуб?

– Жизнь вампира предполагает повышенные расходы. Тебе понадобится дополнительная солнцезащитная косметика, хорошая качественная пища… Никаких полуфабрикатов, газировки и бургеров, – строго предупредила она, –

иначе загнешься раньше, чем наша скорая приехать успеет.

Я вспомнила странные расспросы Жана про плов, куриный суп и концентраты и понимающе хмыкнула. Да вампир просто моей кровью потравиться боялся! Понятно теперь, почему та моделька жаловалась, что сидит ради него на кремлевской диете.

– Опять же, наряды для вечеринок и званых ужинов потребуются подходящие, – продолжила вампирша. – Вот.

На стол веером легли дисконтные карты магазинов парфюмерии и косметики, модных бутиков и элитных супермаркетов со значком VIP, и в знакомой аббревиатуре мне почудилось новое зловещее звучание. Никогда раньше не замечала, что между словами «вип» и «вампир» есть что-то общее. А теперь с учетом откровений Светланы я уже засомневалась, есть ли среди так называемых випов обычные люди.

– Скидки сократят расходы, но все равно тебе придется тратить больше, чем ты зарабатываешь сейчас. Первые два года тебе будут ежемесячно выплачивать пять тысяч евро на жизнь, но потом ты будешь должна найти собственный источник дохода.

– Пять тысяч евро? – Я так и подпрыгнула на табуретке. Да о такой зарплате я даже не мечтала!

– Пять с копейками. Всего шестьдесят в год. Да уж, Жану придется раскошелиться, – хмыкнула она.

– Жану? – не поняла я.

– Ну да, это же он тебя инфицировал. У нас так заведено: если кто-то из нас заражает человека, то он должен два года его содержать, обеспечивая ему высокий уровень жизни, как и у других вампиров. Пока новичок сам не встанет на ноги.

Так вот отчего «маньяка» так перекосило, когда он увидел, что наша кровь смешалась! Понял, извращенец, что теперь не только два года содержать меня

придется, но и регулярно видеть на протяжении двух сотен лет.

– Из-за этого новички у нас появляются редко и почти никогда – случайно, – продолжила Света. – В случае, когда инициация одобрена старейшинами, средства перечисляются из нашего фонда. А исключений раньше не было. Ты – уникум в своем роде.

– Так эти сто двадцать тысяч содержания за два года – это что-то вроде откупных?

– Это что-то вроде подъемных на первое время. Двух лет вполне достаточно, чтобы найти хороший источник дохода. Потом выплаты прекратятся, и ты уже сама станешь платить ежемесячные взносы на содержание наших заведений.

Вот это система!

– Как видишь, у нас все хорошо продумано, – улыбнулась Лана, без труда прочитав мои мысли.

Я сощурила глаза, пытаясь проникнуть в ее сознание, но вынуждена была признать свою полную несостоятельность.

– Двухгодичный курс телепатии, – усмехнулась вампирша.

То-то я ей так легко дверь распахнула!

– И тридцать лет практики. Мне пятьдесят три, – добавила она в ответ на мой немой вопрос.

О, а вампирша не так стара, как можно было бы представить. Всего лишь мне в матери годится. По вампирским меркам это, считай, ровесница. А по человеческим – многие ровесницы Светы душу бы отдали, чтобы так выглядеть в этом возрасте.

– А я думала, телепатия передается вместе с укусом, – разочарованно протянула я.

– Никаких сверхъестественных способностей мы по волшебству не приобретаем, увы. Все наши необычные умения – результат долгих лет учебы и тренировок. Если бы люди жили так же долго, они тоже обрели бы такие способности.

– И смогли бы читать мысли друг друга? – поразилась я.

– Не все. Так же, как и вампиры. Для этого нужно иметь хотя бы минимальные способности к эмпатии. Развить их можно, особенно при помощи особых техник и длительной практики, но приобрести – невозможно.

– А я…

– Это покажут тесты. Но мне кажется, да, – обнадежила она, – в тебе это есть. Что касается остальных мифов – по стенам мы можем передвигаться только при наличии альпинистских навыков и специального снаряжения. Молниеносная быстрота движений доступна только очень взрослым вампирам, как правило, старше двухсот лет. И никакой магии здесь нет – дело во многих годах обучения восточным техникам единоборств. То же самое касается нашей необыкновенной силы: мы лишь ненамного превосходим людей по этому показателю, и то только за счет хорошей и длительной физической подготовки. Гипнозом владеют только те, кто одарен в этом плане. И опять же, за этим навыком стоят годы, а порой и века обучения и тренировки… Расстроена?

– Все так прозаично. Что, и колдовать вампиры не умеют?

– Только в книжках.

– Никаких чудес и романтики, – вконец приуныла я.

– Будет тебе романтика, – улыбнулась моя собеседница. – Вампирский магнетизм существует.

– И за ним стоят года, и то и века тренировки?

– Быстро схватываешь, – одобрительно кивнула Света. – Но нет, тут дело в другом. Во-первых, мы по-особенному пахнем, очень привлекательно для противоположного пола. Все дело в особом гормоне, который вырабатывается

благодаря нашему основному вирусу. Наши генетики так и не выяснили, в чем смысл этой взаимосвязи. Похоже, что природа решила компенсировать нашу болезнь таким образом.

– Как-то странно она решила. Наоборот, должна оберегать здоровые организмы от зараженных и отпугивать их. А она вместо того, чтобы посадить зараженных на карантин и наделить их ароматом, к примеру, тухлых яиц, наделяет их особой притягательностью для здоровых.

– Умница, зришь в корень. Природа заботится о нас, чтобы мы не погибли от голода и у нас не было недостатка в донорах. А это значит, что не такие уж мы никчемные и вредные создания и зачем-то нужны этому миру. Отсюда следует – во-вторых. Еще одна причина нашей привлекательности – новая кровь. Поскольку доноров мы обычно выбираем симпатичных и обаятельных, через их кровь нам передается и часть их харизмы и сексуальности. И третье – власть над людьми дает нам чувство уверенности, а уверенность, раскованность и сексуальность – почти синонимы. С годами эти качества лишь усиливаются, поэтому самые привлекательные вампиры – самые старшие из нас.

– А как же вампирская красота?

– О, это проще простого, – рассмеялась Лана. – Красивы вампиры потому, что в новичков в основном обращают людей с достаточно привлекательной внешностью. Так что никакой магии. Ну и пластика, само собой.

– Пластика? – разочарованно протянула я.

– Нам не нужны операции для сохранения молодости, но для улучшения внешности – почему бы нет? У нас много времени, достаточно денег и высокая заживляемость тканей. Если люди восстанавливаются после операции месяцами, мы снимаем повязки уже через неделю. Не криви нос, – улыбнулась она, – вот надоест он тебе через пятьдесят лет, поймешь тех наших красоток, которые ложатся под нож ради перемен. Знаешь, как они говорят? – Светлана приняла томный вид и жеманно промолвила: – Я же не ношу одни и те же туфли три года подряд, почему же я должна тридцать лет ходить с одним и тем же носом?

Мы обе прыснули со смеху.

– Так значит, никаких чудес нет? – отсмеявшись, я вспомнила предмет нашего разговора. – Все выдумка?

– Почему же, кое-что есть, – обнадежила меня Лана и, понизив голос, сообщила:

– Мы можем ходить по потолку, летать, превращаться в летучих мышей и становиться невидимками.

– И я?

– И ты.

– И когда я смогу попробовать? – загорелась я.

– Да хоть сейчас!

– Прямо сейчас?

– А почему нет?

– А что для этого нужно? – уточнила я, нутром чувствуя подвох.

– Ложись спать.

– Что? – Я в недоумении наморщила лоб.

– Засыпай, – хихикнула Лана. – Как говорят венгры, во сне и в любви нет ничего невозможного.

Я разочарованно вздохнула.

– А ты купилась, да? – Вампирша довольно хмыкнула, глянула на маленькие золотые часики на запястье, не вязавшиеся с ее спортивным стилем, и заторопилась. – Ладно, была рада с тобой познакомиться, надеюсь скоро увидеть тебя среди нас. Ты пока осваивайся, а я побежала, а то на йогу уже опаздываю.

– Куда? – опешила я.

Жизнь вампиров представлялась мне чередой балов, светских раутов, вечеринок в закрытых клубах, перемежаемых с охотой за пропитанием, и занятия йогой туда категорически не вписывались. Если, конечно, у постоянных посетителей фитнес-клубов не самая вкусная и здоровая кровь в городе.

– На йогу, дорогая, ты не ослышалась, – лукаво улыбнулась Света, став еще больше похожей на ехидную Пеппи. – Стареть мы не стареем, но вот тело, если за ним правильно не ухаживать, может прийти в негодность раньше, чем тебе стукнет шестьдесят. Так что о пластике, как ты правильно рассудила, можно не беспокоиться, а вот о подвижности суставов и гибкости мышц лучше позаботиться заблаговременно.

Получается, даже вампирская грация и нечеловеческая пластика – результат многолетних занятий йогой? Какое разочарование. 276 лет жизни – это, конечно, хорошо, но, учитывая, что из них лет двадцать придется корячиться в фитнес-клубе в позе трупов и треугольников, перспектива долгожительства теряет свою заманчивость.

– По правилам йогой лучше заниматься на рассвете, но в нашем клубе занятия проходят поздно вечером.

– И как инструктор, ничего не подозревает?

– Подозревает? – развеселилась вампирша. – Да он один из нас! Захочешь присоединиться, будем рады тебя видеть. Но ближайшие пару дней тебе лучше из дома не выходить, а вот на четвертый день… – Лана хлопнула себя по лбу, – чуть не забыла самое главное! В субботу подъезжай часикам к одиннадцати в клуб «Аперитив». Устроим тебе вечеринку в честь вступления в наши ряды!

– Может, не стоит? – слабо запротестовала я.

– Стоит, стоит! Новички у нас редки, и всем страшно хочется познакомиться с той уникальной девушкой, которая обратила в бегство самого Жана. И тебе полезно – сразу со всей тусовкой познакомишься.

– А что я надену? – озадачилась я.

– Надень то, что подобает королеве бала, – велела Светлана и убежала раньше, чем я успела ее окликнуть.

Ведь самого главного не рассказала, с досадой вздохнула я. Какой моды придерживаются вампиры? И как в их понимании выглядит королева бала – элегантная леди, гламурная дива, готичная дама или хулиганистая модница? Перебрав брошюры, оставленные Светой, и поняв, что ответов на свой вопрос я там не найду, я кинула стопку на подоконник и взяла в руки энциклопедию на все случаи жизни – «Вог».

Глава третья

Вампир ведьме не товарищ

Первые два года после вступления в Клуб новички получают ежемесячную материальную помощь в размере, установленном городским Советом старейшин.

Из международного Пражского договора 1956 года

Несмотря на предостережения вампирши, на следующее утро я встала спозаранку и засобиралась на работу. Уж очень хотелось проверить на коллегах действие вампирского магнетизма, который влила в меня кровь Жана. Ради своих опытов я даже будильник на полчаса раньше завела. Во-первых, чтобы до работы по темноте добраться, во-вторых, чтобы времени попрактиковаться было с запасом.

У лифта нетерпеливо постукивала каблучком соседка Настя. Настя, девушка модная и эффектная, к моему безграничному удивлению, работала кассиршей в кинотеатре. И сколько я ни твердила, что она зарывает свой талант в землю, Настасья только посмеивалась и уклонялась от всех моих попыток найти ей более престижную работу. В свой кинотеатр Настя мчалась с утра пораньше, как на праздник, и уверяла, что лучшей работы ей не надо.

– Доброе утро! – приветливо улыбнулась я и осеклась под ледяным взглядом серых глаз.

Настя злится на меня из-за долга? Ну конечно, сейчас во всех магазинах новые коллекции, а Настена та еще модница, с ней всегда можно обсудить последние тенденции и полистать за чашечкой чая модный журнал. Правда, у соседки есть одна дурацкая привычка: она все время пытается меня с кем-то познакомить, чтобы устроить мою личную жизнь, но при этом критикует всех моих бойфрендов, твердя, что они мне не подходят. Больше всего в свое время досталось «кладоискателю»-Федору. Впрочем, за Федю меня не попенял только ленивый…

– Настюшка, похоже, я сегодня вечером смогу вернуть тебе долг, – заискивающе улыбнулась я, вспомнив про чудо-карточку, переданную мне Светланой.

Мне показалось, что Настя разозлилась еще больше. Мы вошли в лифт, и соседка повернулась ко мне спиной. Да что такое происходит?

– У тебя новое мелирование? – растерянно сказала я в белокурый затылок. – Тебе очень идет.

– Извини, я очень тороплюсь, – отрубила Настя и, выскочив в открывающиеся двери лифта, галопом понеслась прочь, словно боясь провести со мной лишнюю минуту.

Может, я так пугающе выгляжу из-за болезни? Я с тревогой заглянула в зеркальце, но тональный крем целиком оправдывал потраченные на него деньги и маскировал бледную кожу, придавая ей персиковый оттенок.

Наверное, у нее ПМС, заключила я и зашагала к остановке.

По дороге в агентство я с интересом ученого-испытателя приглядывалась к попутчикам. Соседи в маршрутке мирно клевали носом, не обращая на меня никакого внимания, и только водитель-кавказец настойчиво пялился в заднее стекло, не сводя с меня пронзительно-черных глаз. Обычно горячие южане обращают внимание только на блондинок, а тут и мне перепало! Я приободрилась и поправила шоколадную прядку волос.

– Девушка, вы будете глазки строить или за проезд платить? – не выдержал знойный водитель.

Впереди сидящая бабулька окатила меня волной презрения; сосед справа очнулся от дремоты, повертел головой и снова провалился в сон, прислонившись к стеклу.

Я стремительно покраснела и полезла в сумочку. Надо же было так увлечься своими наблюдениями, чтобы забыть передать за проезд! Но это же не повод меня так позорить! С мстительной ухмылкой я передала водиле тысячную купюру, чем еще больше настроила его против себя.

– Еще больше не было? – сердито буркнул он.

– В следующий раз захвачу пятитысячную специально для вас.

– Стерва! – в сердцах выругался водила.

Я оскорбленно вскинула глаза, в надежде, что сейчас бабулька поставит наглеца на место. Но старушонка пялилась в окно, как ни в чем ни бывало, и, казалось, не слышала слов водителя. Может быть, она глухая? Но ведь замечание водителя про оплату проезда она прекрасно слышала!

Передавая мне сдачу на остановке метро, маршрутчик нарочито копошился, дважды пересчитал деньги и с недовольной миной сунул их мне в руки. Я не отказала себе в удовольствии поцарапать его крепкими ногтями, выкрашенными в алый цвет. Водитель дернулся, а у меня заныло под ложечкой при виде выступившей бороздки крови.

– Бешеная! – выругался мужик.

Я пулей вылетела из маршрутки.

Парень с дипломатом, в которого я врезалась на полном ходу, радости от столкновения со мной не испытал, а громко возмутился:

– Смотри, куда прешь, кобыла!

– А ты не тормози, жеребец, – огрызнулась я и нырнула в переход метро.

Вот тебе и хваленый магнетизм! Вместо того чтобы сойти с ума от счастья, этот индюк еще обзывается! Или, может, ранним утром в часы пик гормоны не работают? Я спустилась на станцию и зашагала по перрону. Никто из мужчин при виде меня шеи не сворачивал, знакомиться не спешил, взглядами не раздевал. Смирившись с сокрушительным поражением по всем фронтам, я с кислым видом встала у края платформы. Тут же рядом со мной возник симпатичный паренек спортивного вида и певуче произнес:

– Доброе утро!

Юнцу было не больше семнадцати, и он был совершенно не в моем вкусе, но я приободрилась и улыбнулась в ответ:

– Доброе!

– Рад, что оно для вас доброе, – он расплылся в улыбке и что-то с лукавым видом добавил. Слова потонули в грохоте приближающегося поезда на соседней платформе.

– Что? – Я сделала шаг к нему.

Парень зашевелил губами, но состав продолжал греметь, и я опять не расслышала обращенного ко мне комплимента. Который был мне просто необходим, чтобы убедиться в моих новообретенных чарах! Наконец поезд остановился, и я повторила вопрос:

– Что, не расслышала?

Паренек покосился в сторону стоящего поезда и задорно сказал:

– Жаль, что придется его немножко испортить!

Я и опомниться не успела, как он сдернул с моего плеча сумочку, мою любимую малышку-«Эскаду», и бросился к стоящему поезду, откуда уже раздавались

слова: «Осторожно, двери закрываются!»

Вспоминая дальнейшие события, я сама не могу понять, как мне это удалось. Но мало того, что я, проскакав на высоких шпильках, догнала вора, рывком вытянула его из дверей вагона, выдрала сумочку из его цепких лап, а после со всей злости втолкнула в закрывающиеся двери, мысленно повторяя: «Ненавижу!», а вслух выкрикнув: «Вор!»

Парень пролетел до противоположной двери и ударился головой о стекло так, что оно не выдержало и покрылось трещинами. Пассажиры, ставшие свидетелями этой сцены, со злобой воззрились на вора, и я физически ощутила, как накалилась атмосфера в вагоне. За какие-то доли секунды, пока поезд не сорвался с места и умчался прочь, до меня донеслись возмущенные вопли старушки, которая когда-то в метро лишилась всей пенсии. Одновременно я почувствовала гнев студента, у которого на днях украли деньги, отложенные на подарок любимой девушке, и ярость военного, который уже три месяца расплачивается со своей зарплаты за общественные деньги – их вытащили в переходе метро. Воришка затравленно озирался по сторонам, а к нему уже спешил, сжав кулаки, студент, воинственно помахивала тяжелой авоськой с картошкой бабулька, неумолимо надвигался военный…

Поезд уже давно умчался вдаль, а я потрясенно стояла на платформе, удивляясь силе, с которой я швырнула воришку в вагон. И той злости, которой, казалось, я заразила всех пассажиров. И тем чужим мыслям и воспоминаниям, которые захлестнули меня. Если бы Светлана сказала мне, что теперь я обладаю силой, телепатией и гипнозом, я бы не удивлялась. Но вампирша утверждала обратное!

Зашумел следующий поезд, я опомнилась и, прижимая к себе сумку, торопливо перешла на другую сторону: интересно, как я объясню опоздание Однорогу? Не рассказывать же ему, как я приструнила вора – поднимет на смех! И все-таки, как же мне это удалось? Ну, допустим, сил догнать его и вернуть сумочку мне придала любовь к малышке-«Эскаде». Но удар такой силы, что разбилось вагонное стекло? Но чужие мысли? Но волна мщения, захлестнувшая пассажиров? Это можно объяснить или сверхъестественными способностями, которых, по словам Светы, у меня быть не может, во всяком случае, в ближайшие лет сто, или мощнейшим глюком, а ими я никогда не страдала… раньше. В голове отчетливо прозвучал голос Светланы: «В течение трех суток после попадания вируса в кровь происходит перестройка организма. Возможны озноб, тошнота, галлюцинации…»

Я с сомнением посмотрела на прибывший поезд, гадая, не стоит ли мне последовать совету вампирши и пересидеть эти галлюциногенные три дня дома. Но тут толпа внесла меня в вагон, и я подчинилась неизбежному, пообещав себе не удивляться ничему, что увижу в агентстве.

До начала рабочего дня оставалось еще десять минут, но Саша уже была на месте.

– Жанна! Как ты себя чувствуешь? – Подруга с беспокойством поднялась мне на встречу.

– Все хорошо, – заверила я, проходя за свой стол.

– Правда? – Сашка просияла. – Значит, наша поездка в силе?

Поездка? Я непонимающе вытаращилась на подругу.

– Ты купальник уже купила? – прощебетала Саша, отвернувшись к окну, за которым накрапывал дождь. – Поверить не могу, что через пару дней мы уже будем на море.

– Нет пока, – пробормотала я, мучительно соображая, что поездка в Египет, где я собиралась поджариться на солнышке до шоколадного загара, отменяется.

– Хочешь, сегодня сходим? – щедро предложила Саша. Я знала, каких усилий ей это стоило, ведь я в магазинах могла бродить часами, и они пролетали, как одно мгновение, а Саша начинала скучать уже через двадцать минут. Тем больше мне хотелось закричать: «Хочу!» и тем сложнее – отказать подруге. Я решила начать издалека:

– Саш, что-то мне нехорошо…

– Что такое? – заволновалась Саша. – Говорила же тебе, оставайся дома, лечись. Вызвать Тёму?

– Нет, Саш, не надо. Как-нибудь продержусь. Но только, боюсь, в Египет мне сейчас лететь не надо, – собравшись с духом, виновато выпалила я.

Сашка потрясенно замолчала, переваривая новость. На египетские каникулы подружку подбила я. Саша сперва отнекивалась, но потом так загорелась поездкой, что последние дни только и просиживала на туристических сайтах, качая информацию об экскурсиях и достопримечательностях. Она уже каждый день наперед расписала, причем на восточный рынок мне удалось с трудом выбить два дня, тогда как остальные были плотно забиты экскурсиями и поездками. Для Сашки, прежде покорявшей только Сочи и Крым, это был первый выезд за границу, поэтому с моей стороны отказ от поездки был ударом ниже пояса.

– Жан, а может, ты поправишься? – с надеждой спросила она.

– Саш, у меня иммунитет ослаблен. А тут – перемена климата, стресс для организма, – насочиняла я.

– Ну конечно, – с досадой пробормотала подруга, – Египет – не Милан в сезон распродаж. Уж туда бы ты махнула даже из реанимации.

– Саш, ну прости…

– Точно не передумаешь? Мне сдавать билеты? – поникла Саша.

– Может, с Леной поедешь?

Саша оскорбленно фыркнула и уставилась немигающим взглядом в монитор.

Я сходила к Однорогу, отчиталась о поездке на фабрику. Шеф с неудовольствием выслушал мой прогноз, что продать здание – без шансов.

– Плохо работаешь, Бессонова, – нахмурился Однорог. – Очень плохо.

Но что мне его недовольство? У меня в кармане лежала карточка с золотой буквой V, которая, если верить Светлане, делала меня богаче на триста тысяч рублей. И эти деньги достанутся мне безо всяких усилий, без возни с

капризными богатыми клиентами, без просиживания в офисе пять дней в неделю. Зачем мне теперь держаться за эту работу?

Осталось только убедиться, что Светлана меня не обманула. Из кабинета Однорога я спустилась на первый этаж к банкомату. По моему запросу железяка выплюнула распечатку, подтверждая слова вампирши. Я чуть не прослезилась от счастья, представляя себя в новых туфельках «Джимми Чу» и в платье «Эскада», которое мне снилось уже две недели, дразня своей недосягаемостью. Что ж, не так и плохо быть вампиром, когда полагаются такие бонусы!

Лифт, домчавший меня на первый этаж, сейчас намертво встал и категорически отказался возвращать меня обратно. Я уныло поковыляла по лестнице, разгоняя облака сизого дыма и натыкаясь на курильщиков. Не понимаю, зачем люди курят? Куда приятней съесть карамельку! С этой мыслью я вывалилась в коридор родного седьмого этажа. Под ноги мне метнулось какое-то серое, полудохлое существо, которое я сперва приняла за гигантскую крысу и оттого взвизгнула. Существо прижалось к стене, и я с дрожью разглядела белый скелетик не больше полуметра ростом, покрытый сигаретной дымкой. Допилась, мать! Только алкоголикам вроде черти мерещатся, а мне вот – скелеты…

– Курить! – пробасил скелет низким прокуренным голосом, с надеждой глядя на меня исподлобья.

Я с опаской огляделась по сторонам. По направлению к лестнице неслась наша самая заядлая курильщица, менеджер Карина. Скелет при виде нее несказанно обрадовался и забасил: «Курить, курить!»

– Жан, ты чего там застыла? – хохотнула она. – Привидение что ли увидела?

– Так, задумалась, – выдавила я.

– Ну думай, – хмыкнула Карина, на ходу доставая пачку дамских тошнилок. – Хочешь?

Я отшатнулась, увидев, как пустые глазницы скелета при виде сигарет алчно полыхнули желтым огнем. Карина с недоумением покосилась на меня и выскочила в курилку, не в силах больше терпеть никотиновый голод. Скелет, радостно ухая, поволочился следом. Привидится же такое!

Я поспешила по коридору прочь, но вспомнила, что программисты который день обещают переустановить антивирус, да только воз и ныне там, и притормозила у нужного кабинета.

Войдя в обитель компьютерщиков, я едва не перекрестилась. На плечах у каждого из наших парней сидели существа, похожие на недоразвитых Горлумов. Синяя кожа, тонкие светящиеся ручки, лысые головы. При виде меня работнички наши даже глазом не моргнули, зато существа как по команде свернули шеи и зашипели, словно чувствуя во мне угрозу.

– Илья, – осторожно позвала я.

Существо, сидящее на шее у красавчика-программиста, взвизгнуло и заткнуло ему уши ладошками.

– Илья! – громче окликнула я.

Парень было дернулся, но мерзкое создание с силой развернуло его к монитору, который лучился ярким голубым светом.

Я поежилась. Все-таки странные у меня алкогольные галлюцинации! Ни разу про такие не слышала. Нет, на чертей они все-таки не похожи, скорее на духов компьютерной зависимости.

Внезапно один из мужчин поднялся со своего места, я радостно подалась вперед и чуть не споткнулась об уже знакомого скелета (или это был его брат-близнец), который семенил к выходу, бубня: «Курить, курить, курить!». За ним, как зачарованный, спешил молодой программер.

– Потом, все потом, – махнул рукой он при виде меня и выбежал за дверь.

Я едва удержалась от возмущенного вздоха. Что за ерунда – глюки есть, а магнетизм не работает!

Поняв, что помощи ждать неоткуда, я решилась на штурм. Превозмогая отвращение, я подошла к Илье и, отправив в нокаут «Горлума», отчего ладони заволокло дымом, встряхнула парня за плечи. Он отмер и перевел на меня

мутный взгляд.

– Жанна? Что-то случилось?

Я решила не рассказывать про монстриков, которыми кишмя кишела комната, и изложила цель своего визита. Илья пообещал навестить нас сегодня же и снова уткнулся в монитор. «Горлум», оправившись от удара, радостно взвизгнул и вскарабкался ему на шею.

– Э нет, друг! – Я повторно нокаутировала глюк компьютерной зависимости и тряхнула Илью. – Сейчас же.

Парень нехотя повиновался и поплелся за мной. «Горлум» злобно верещал, прыгая по осиротевшей клавиатуре. Видимо, отлучаться далеко от компьютера он не мог, а посему крайне злобствовал. Значит, это все-таки не чертик, а действительно что-то другое? Да что ж со мной творится такое?

Я последний раз окинула взглядом кабинет: шестеро здоровых парней, прикованных к мониторам то ли бесами, то ли духами, и поспешно выскочила за дверь, плотно прикрыв ее за собой, словно боясь, что мерзкие лысые существа разбегутся по всей организации.

Илья, избавившись от своего персонального «Горлума», значительно оживился и начал проявлять ко мне знаки внимания. Но я была не в силах поддерживать флирт. Передав неуловимого Илью на руки печальной Сашке и наказав проследить за выполнением его программистских обязанностей, я рванула в туалет, заранее покрываясь липким потом при мысли о том, какие отвратительные глюки могут поджидать меня там. Но кроме нашей уборщицы, которая после скелетов и компьютерных задохликов показалась мне милейшей женщиной (и почему я раньше звала ее ведьмой?), там было пусто. Убедившись в том, что добрая фея со шваброй уковыляла восвояси, я заперлась в кабинке и набрала номер Светланы, который она оставила для экстренных случаев. Вампирша спала. Это было ясно и по голосу, и по тому, что трубка отозвалась только с пятнадцатого гудка, когда я уже потеряла всякую надежду ее добудиться и почти поверила, что днем вампиры спят мертвым сном.

– Да-а?.. – лениво протянула Светлана.

– Лана, это я! – взволнованно пробормотала я.

– Жанна? Что-то случилось? – мгновенно всполошилась вампирша.

– Ланочка… Мне везде мерещатся глюки! – жалобно проскулила я.

– Где везде?

– На работе!

– Ты что, на работе? – рявкнула Лана.

– Ну да…

– А какого черта ты туда поперлась? Сказали же тебе – дома сидеть!

– Ланочка, ну извини, так получилось. Теперь-то мне что делать?

– Ты сейчас где? – нервно спросила Светлана.

Надо же, как за меня разволновалась! Кто бы мог подумать.

– В туалете прячусь!

– Ты напала на кого-то из коллег? – ужаснулась вампирша.

– Да нет, что ты! Просто мне мерещатся всякие фантастические существа!

– Дверь твоей кабинки штурмует гоблин? – ухмыльнулась Лана. – «Гарри Поттера» на ночь смотрела?

– Да нет, здесь как раз тихо, а вот там… – Я быстро рассказала о скелете у курилки и о задохликах, поработивших наших доблестных программистов.

Вампирша на удивление серьезно выслушала меня, а потом записала адрес офиса, велела возвращаться в кабинет (предварительно уточнив, что там глюки меня не допекают), никуда не выходить и ждать ее. Отключившись, я закусила губу и отругала себя за беспечность: а что если у вампиров тоже есть своя психиатричка, и Светлана уже названивает туда, заказывая неотложку к дверям агентства?

Не зная, что и думать, я вернулась в кабинет, где Илья уже благополучно установил нужные программы и строил глазки Саше. У ног его нетерпеливо прыгал скелет, обвитый дымом, призывая Илью «курить», но голубые глаза Сашки составляли серьезную конкуренцию никотиновому духу и удерживали парня от похода в курилку. Наконец скелет одержал победу и радостно ускакал в коридор, волоча за собой Илью. А Саша как ни в чем не бывало уставилась в монитор. К счастью, синерожих задохликов в кабинете не было. Видимо, Сашкино сидение за компьютером объяснялось исключительно ответственностью и прилежанием, а не болезненной зависимостью.

Подруга с удивлением посмотрела на деньги, которые я вернула ей в счет долга.

– Что, зарплату уже дали?

– Да нет, – смутилась я, – премию.

– Премию? – поразилась Саша. – Однорог же был зол на тебя из-за Горячкиной?

– Ну, как видишь, все обошлось. – Я вернулась за свой стол, прикинувшись страшно занятой, чтобы избежать дальнейших расспросов.

Светлана явилась через полчаса, вежливо постучала в кабинет и на глазах удивленной Сашки забрала меня с собой, представившись новой клиенткой. Вампирше было достаточно лишь внимательно посмотреть на Сашу, чтобы у моей бдительной подружки разом отпали все вопросы.

Похоже, Однорогу Света внушила то же самое, потому что при виде нас шеф только молча посторонился и беспрепятственно пропустил к лифту.

На улице нас ждал черный микроавтобус с бронированными стеклами, при виде которого мне показалось, что сбылись мои худшие опасения.

– Не бойся, – усмехнулась Светлана, – это не психиатричка, это наш отряд специального назначения.

Не успела я удивиться, как дверцы бесшумно растворились, и меня втолкнули внутрь. В салоне сидели пятеро: трое парней (блондин, мулат и азиат), девчонка с двумя хвостиками не старше пятнадцати лет и плечистый брюнет лет тридцати с легкой щетиной и с опасным блеском в глазах. В том, что он здесь был лидером, не было никаких сомнений.

– Вот вам ведьма для полного комплекта, – хмыкнула вампирша, присаживаясь рядом с вожаком.

Тот коротко глянул на Лану, и ее насмешливая улыбка разом потухла.

– Шутка, – буркнула она, отвернувшись к окну.

– И что это еще за шутки? – рассердилась я.

Хватит с меня и вампира, еще и ведьма – это уже чересчур.

– Выйдите все, – велел вожак своей команде. Голос у него был низкий, вибрирующий, волнующий. – Нам нужно поговорить наедине.

Вампиры послушно вымелись из салона; девочка с хвостиками, вышедшая последней, плотно прикрыла дверь, отрезав все звуки с улицы.

– Меня зовут Вацлав, – прозвучал во внезапно нахлынувшей тишине вкрадчивый голос вампира.

– Меня зовут сам знаешь как, – все еще сердито ответила я, искоса оглядывая своего визави.

Красавец, хищник, настоящий самец. Его брутальную красоту не портили ни двухдневная щетина, ни круги под глазами, повествующие о бессонной ночи, ни

резковатые черты лица, ни белая полоска шрама на правой щеке. На такого стоило бы повесить табличку: «Осторожно, очень опасен!» И разбитое сердце – меньшая из бед, которую может принести этот небритый красавец-брюнет с холодным взглядом и встопорщенным ежиком смоляных волос.

– Жанна, я тебе сейчас объясню, кто мы и почему ты здесь, а потом сама решишь, стоит тебе сердиться на меня или нет, – ровно сказал Вацлав.

Противиться его спокойной логике не было сил, и я коротко кивнула.

– Наша команда занимается расследованием преступлений. Сегодня ночью произошло убийство.

– Вампира? – вырвалось у меня.

Вацлав чуть поморщился и поправил:

– Убили одного из нас.

– И вы подозреваете меня? – Я похолодела от страшной догадки.

– Жанна, если ты дашь мне сказать, мы не будем терять время, которое очень дорого сейчас, – с легким раздражением ответил он.

Я обиженно нахохлилась.

– Это убийство уже не первое, почерк один, – сухо сообщил вампир. – У нас нет никаких зацепок, никаких версий. И поэтому я очень прошу тебя помочь.

Я молча уставилась на него. С губ рвался вопрос «как, интересно?», но, помня о замечании не перебивать его, я не проронила ни слова.

Вацлав усмехнулся, словно прочитав мои мысли. Хотя почему – словно? Он их прочитал. И ответил:

– Судя по тому, что ты рассказала Лане, у тебя сейчас всплеск особых способностей и ты можешь видеть то, что другим не под силу.

– Это галлюцинации, – поправила я, – Света говорила, что такое возможно.

– Лана имела в виду другое. Она и представить не могла, что ты окажешься на грани миров.

Я испытующе уставилась на Вацлава, давая понять, что вопроса он от меня не дождется, скорее я лопну от любопытства. Похоже, вампир откровенно забавлялся, наблюдая за мной.

– Грань миров – это состояние между жизнью и смертью, – снизошел до объяснения он. – Когда человек получает возможность видеть параллельную реальность или потусторонний мир – как тебе больше нравится.

– Хочешь сказать, что скелеты и Горлумы – настоящие? – поразилась я.

– Может, да, может, и нет. Но для галлюцинаций они очень необычные.

Но почему это происходит со мной? Я не спросила, я лишь подумала, а Вацлав уже отвечал:

– Возможно, это из-за крови Жана. Или у кого-то из твоей родни был дар ясновидения. А действие вируса дало им проявиться.

Я потрясенно замерла, не зная, радоваться мне или огорчаться.

– Это пройдет очень быстро, – добавил Вацлав. – Как только твой организм перестроится под вирус. У нас в запасе не больше суток. Потом ты вернешься к нормальной жизни и забудешь про свои, хм, галлюцинации.

Помолчав, он продолжил:

– Среди вампиров магов нет. Маги-люди отказываются с нами работать, считая нас исчадиями ада. Мы отчаялись найти убийцу. Поэтому, когда ты позвонила Светлане и она сообразила, что в тебе проснулся дар, она немедленно связалась

со мной. Я прошу тебя помочь нам.

– Что вы от меня хотите?

– Мы отвезем тебя на место преступления. Может быть, ты что-то увидишь.

– Ты думаешь, призрак жертвы назовет имя убийцы?

Вацлав запнулся. Видно было, что он сам не верит в эту затею.

– Просто посмотри, ладно?

Я содрогнулась, представив себе труп жертвы в кровожадных традициях Голливуда.

– Убийца работает чисто: он делает инъекцию яда, – успокоил Вацлав.

– Хорошо, – решилась я, – везите.

– Спасибо, – искренне сказал вампир и велел своим товарищам загружаться в салон.

Через двадцать минут мы были на месте преступления. Один из ребят протянул мне черный плащ с капюшоном.

– Надень это, – велел Вацлав. – От солнца.

Но мне почему-то почудился другой смысл: вампир не хотел, чтобы меня здесь видели.

Я вышла из машины последней, натянув капюшон на лоб и нервно оглядываясь в поисках призрака убитого вампира, но увидела только лежащее на земле между гаражами тело. Вацлав провел меня через оцепление и остановился поодаль, пока я, превозмогая страх, приблизилась к трупу.

Девушка лежала на спине, с запрокинутым в небо лицом, и в ее застывших карих глазах отражалось солнце. Наверное, впервые за многие годы она смотрела на него без страха, подумалось мне. Темно-синий плащ, сбившийся во время падения, распластался за ее спиной, как крылья бабочки. Густые волнистые волосы черной кляксой разметались по земле. Когда-то они были мягкие и блестящие, сейчас напитались грязью и дождевой водой. Красивая девушка, яркая внешность. Даже без макияжа лицо ее кажется выразительным, а глаза лучше всякой подводки очерчивает черное кружево ресниц. Одета с нарочитой небрежностью: дорогое платье, модная сумочка, а вот пальтишко из магазина для студенток… У Саши такое же.

– Что-нибудь есть? – жадно спросил Вацлав, и я подпрыгнула от неожиданности.

– Напугал?

– Ничего, – я подняла глаза.

– Никаких мыслей, видений, призраков?

– Извини.

Вампир разочарованно выругался, но внезапно замер и впился в меня взглядом, заставившим меня поежиться от холода.

– Ты сегодня питалась?

Ни сегодня, ни вчера, ни разу – мысленно ответила я. Вацлава мой ответ удовлетворил: его взгляд прояснился, губы тронула улыбка, которая мне совсем не понравилась.

– Погуляй тут еще несколько минут, а потом подходи к машине. – Он развернулся и зашагал к оцеплению, оставив меня один на один с трупом.

Ничего себе – погуляй! Самое подходящее место. Покрутившись вокруг да около, не обнаружив никаких духов, которые могли бы пролить свет на личность убийцы и мотив преступления, я двинулась к машине. Колоритная троица (блондин, мулат и азиат) курили поодаль, о чем-то разговаривая со знакомым;

девочка с хвостиками и Светлана беседовали с ребятами, которые держали оцепление. Вацлава не было видно. Я растерянно остановилась у двери. Не прошло и трех секунд, как она распахнулась и из салона выглянул Вацлав:

– Чего топчешься? Входи!

Он рывком втянул меня в салон, и я замерла при виде незнакомцев – парня и девушки, с безучастным видом сидящих у окна. На мое появление они даже не отреагировали.

– Что с ними? – охрипшим голосом спросила я.

– А ты не видишь? – зловеще усмехнулся вампир. – Еда в легком трансе.

Я дернулась, собираясь сбежать, но Вацлав схватил меня за шкирку и бросил на сиденье напротив парочки.

– Не будь дурой. Тебе нужна кровь. Я не знал, кого ты предпочитаешь, мальчиков или девочек, поэтому привел обоих. Влюбленные, – с усмешкой пояснил он. – Кровь с легкой придурью, можешь даже потом испытать временную влюбленность… ко мне, например.

– Перебьешься, – с ненавистью прошептала я. – Отпусти их. Я не буду.

– Ах, какие мы благородные! – скривился Вацлав. – Не вынуждай меня применять силу.

– Но зачем тебе это надо?

– Кровь даст тебе новые силы, и, возможно, ты сможешь что-то увидеть, – спокойно сообщил вампир. Так, словно речь шла о банке с энергетическим напитком или чашке кофе.

– Я не буду их убивать, – замотала головой я.

– Конечно, нет, – фыркнул Вацлав. – У тебя на это просто не хватит силенок. Ничего им не сделается, тебе нужно не больше половины бокала. Вперед!

– Не буду, – прорычала я.

Вампир притянул меня к себе так близко, словно собирался поцеловать, и прошипел:

– Кто-то убивает наших друзей. На его счету уже семь жизней. Мы не можем понять его мотивов и предупредить преступления. Жертвой может стать кто угодно. Даже ты. Мы обязаны задействовать любые возможности, чтобы остановить его. Поняла? А сейчас ты выпьешь кровь этой девчонки и пойдешь искать любые зацепки.

– Вацлав, я очень хочу вам помочь, – сдавленно прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. – Но я не могу. Я не буду делать то, о чем ты просишь.

– Тогда буду я. – Вампир отшвырнул меня, рывком притянул к себе девушку, наклонил ее шею и оскалил зубы.

– Не надо! – вскрикнула я.

– Или ты, или я, – жестко сказал он. – Решай. Я не спал целую ночь, я безумно голоден и убью ее, не задумываясь. Если ее возьмешь ты, она отделается легкой головной болью.

– А ее парень?

– Я отпущу его.

– Ты не понял. Я выбираю парня, а девушку ты не тронешь.

Если уж меня ставят перед таким жестким выбором, я выбираю меньшее из зол. Девушка худенькая и хрупкая, а парень выглядит более выносливым. Ему кровопотеря принесет меньше неудобств.

Вацлав усмехнулся, поняв мои мотивы, но девушку оставил – аккуратно усадил на сиденье, а место рядом с парнем оставил свободным.

– Ну? – поторопил вампир.

– Может, ты выйдешь?! – огрызнулась я.

– Не пойдет. Я должен убедиться, что ты меня не обманешь.

Он стремительным движением вытащил нож, резко наклонился к юноше, дернул рукав куртки, обнажая кожу, и полоснул по внешнему сгибу локтя. На светлой коже выступила полоса крови. Я ахнула от ужаса, но подалась вперед, чувствуя непреодолимый голод. Последний раз такое со мной случалось во время жесткой диеты. Я тогда почти неделю сидела на воде, а потом ноги сами занесли меня во французскую кондитерскую и при виде десертов в витрине на меня нашло умопомрачение. Я скупила половину сладостей и одним махом покончила с диетой.

– Жанна, – напряженно произнес Вацлав, – если ты сейчас же не поторопишься, я наброшусь на него сам.

На ватных ногах я плюхнулась на сиденье рядом с пареньком, подняла его руку, по которой ручейками текла кровь, и, закрыв глаза, прижалась губами к ране…

– Ты чертов извращенец! – заявила я вампиру, с жадностью наблюдавшему за мной все время, и промокнула губы бумажной салфеткой. Макияж был безнадежно испорчен, сияющий отпечаток малинового блеска остался на сгибе локтя паренька. Секунду помедлив, я осторожно вытерла отпечаток губ и смяла салфетку в ладони.

Я ненавидела вампира за то, что он сделал со мной. Но зато теперь я точно знала, что кровь не приносит мне никакого гурманского наслаждения и не идет ни в какое сравнение с бодрящим сливочным вкусом латте. Больше всего кровь напоминает прокисший томатный сок пополам с рыбьим жиром. И это при том, что Вацлав уверял – у парня очень изысканная кровь.

– А ты дрянная девчонка, – довольно улыбнулся вампир.

– Как теперь кровь остановить? – Я кивнула на паренька, откинувшегося на спинку сиденья.

– Это моя забота. Возвращайся и изучи все внимательно.

Я с подозрением посмотрела на Вацлава.

– Я обещал, я их не трону, – усмехнулся он. – Сейчас забинтую рану, верну их туда, где нашел, и сниму транс.

– С ним точно все будет в порядке?

– Ты выпила меньше, чем котенок. Ничего парнишке не сделается.

Когда я вышла из машины, мои щеки пылали.

Охрана молча расступилась, пропуская меня к убитой девушке.

Я обвела взглядом пространство – ничего. Напрасная жертва, пустая трата крови. Ни призраков, ни видений, ни уличной нечисти, которые могли рассказать о том, что произошло здесь вчера ночью. Я трижды обошла вокруг убитой вампирши, потом присела на карточки и внимательно изучила каждую клеточку тела. Ничего.

Для проформы поводила руками. Пусто.

Девушка лежала на земле, подвернув под себя руку. Я с сомнением повернулась к стоящей поодаль охране – можно ли мне менять позу убитой? На меня никто не обращал внимания. И я решилась. Осторожно вытащила руку девушки из-под спины и уставилась на свою находку. На тонких пальцах, сжатых в кулак, переливалось дорогое дизайнерское кольцо. «Тиффани». Я осторожно разжала закоченевшие пальцы, аккуратно стащила кольцо и придирчиво разглядела его на свет. Понятно, почему убийца оставил его – поживиться тут нечем.

– Ты что-то нашла? – Вацлав стремительно подскочил ко мне.

– Фальшивка.

– Что? – непонимающе уставился на меня вампир.

– Кольцо… поддельное, – проговорила я, чувствуя себя неловко. Разве имеет это значение сейчас, когда его обладательница мертва?

Вацлав окатил меня гневным взглядом.

– Так ты по-прежнему ничего не видишь? Не чувствуешь? – прорычал он.

Я покачала головой.

– Извини.

Вампир в сердцах пнул банку из-под пива и зашагал прочь. Я вернула кольцо на окоченевший палец девушки, сделала несколько шагов, отвернулась к стене гаража и согнулась пополам. Кровь влюбленного мальчика с голубыми глазами красным пятном растеклась по земле, обрызгала ржавые стены.

Руки Вацлава не дали мне упасть, он подхватил меня с земли и понес к машине. Сил сопротивляться ему у меня не было.

В машине мы ехали вдвоем. Команда Вацлава вместе со Светланой остались еще раз изучить место преступления. Всю дорогу вампир не проронил ни слова. Так же молча он помог мне выбраться из машины и довел до подъезда.

– Извини, – неожиданно сказал он.

Я удивленно уставилась на него. Он извиняется? После того, что заставил меня сделать?

– Так было надо, – ответил на мой мысленный вопрос он.

Я устало пожала плечами:

– Раз ты считаешь себя правым, к чему извинения?

– Я извиняюсь не за это. А за то, что собираюсь сделать.

Он прижал меня к двери подъезда и приблизил свое лицо так близко, что я увидела карие крапинки в его ледяных серых глазах. Несмотря на всю мою неприязнь к нему, меня потянуло к вампиру с неимоверной силой. Может быть, давала о себе знать кровь влюбленного мальчика, а может быть, я и в самом деле дрянная девчонка, которой нравятся плохие парни? Моя дрожь не укрылась от внимания Вацлава, и он не разочаровал меня. Ожег щеку щетиной, порывисто поцеловал в губы, вдохнул в меня глоток своего дыхания, от которого почему-то сделалось прохладно, как от мятного холодка. Прежде, чем оторваться от меня, он чуть прикусил губу, заставив меня задрожать.

– Это в качестве компенсации, – пробормотал он, после чего сжал мою шею руками, прижался лбом к моему лбу и прошептал:

– Тебе ни к чему помнить о нашей встрече.

Не успела я удивиться, как он резко отшатнулся от меня и, продолжая держать за шею и не давая мне пошевелиться, впился в меня пронзительным взглядом. Виски скрутило резкой болью, и перед глазами поплыло…

Глава четвертая

Вампиры зажигают в полночь

Предпочтение отдается кандидатам, обладающим выдающимися талантами в одной из областей искусства, культуры, науки, а также тем, кто является ведущим специалистом в своей профессии.

Из международного Пражского договора 1956 года

Два дня я просидела дома, чувствуя слабость, как после гриппа. Голова была пустой, словно ее порядком пропылесосили, избавив от лишних мыслей и ненужных терзаний. Сашка звонила справиться о моем самочувствии. Вроде бы, мне стало плохо и я отпросилась с работы с середины дня… Еще бы, не станет

тут плохо! Как вспомню этих скелетов в сигаретной дымке и «Горлумов», поработивших наших программистов, так дурно становится. Странно, но я совершенно не помнила, что наврала Однорогу, чтобы меня отпустили, как возвращалась домой и что делала вечером. Видимо, стресс из-за галлюцинаций был чересчур велик. К счастью, дома мне домовые не мерещились, и я смогла всласть насладиться тишиной и спокойствием. На удивление, даже жажда кровушки меня не мучила, и я вполне сносно обходилась вишневым соком, убрав талоны на донорскую кровь подальше с глаз. Может, я стану первой вампиршей, которая найдет способ обходиться без кровопитания.

К вечеру субботы, на которую был назначен мой первый выход в свет, все признаки болезни исчезли без следа, и я собиралась на вечеринку в приподнятом настроении. Выбирая наряд, я последовала совету Светланы и выудила из шкафа свое лучшее вечернее платье. У платья сегодня тоже был дебют – купив его полгода назад, я ни разу не нашла повода его надеть. Мурлыкая от удовольствия, я нырнула в прохладный лавандовый шелк, гадая, чем вампирская тусовка отличается от обычной.

Спустя час я выпорхнула из такси у дверей клуба «Аперитив» и сразу же попала в лужу. Замшевой туфелькой. Тут и начались разочарования.

Мое платье и туфельки были достойны красной ковровой дорожки «Оскара», а пришлось топать по мокрому асфальту, и единственным свидетелем моего торжественного прибытия был невозмутимый шкафоподобный секьюрити, стоящий у входа. Интересно, он тоже вампир? Или парень даже не подозревает о том, что происходит в стенах клуба с говорящим названием «Аперитив»?

К моему бескрайнему удивлению, охранник и не подумал распахнуть передо мной дверь, а, напротив, перегородил вход.

– Ваше приглашение, – вежливо, но бесстрастно произнес он.

С видом оскорбленной принцессы я подняла крошечную вечернюю сумочку и щелкнула замочком. Да, найти приглашение в набитой под завязку сумочке будет непросто.

– Держите! – Я с мстительной улыбочкой вывалила в руки охраннику пудреницу, мобильный телефон, пачку бумажных платочков, помаду, флакон туалетной

воды, расческу… Наверняка пригласительный упал на самое дно.

Когда в лапы секьюрити перекочевали ключи и прокладка, я нахмурила брови. Ни пригласительного, ни виповской вампирской карточки в сумочке не было. Точно! Я же оставила их дома в прихожей, решив положить в сумочку в последний момент, чтобы потом долго не искать их на дне.

– Кажется, я их забыла, – сконфуженно выпалила я, отбирая у охранника флакончики и прочие мелочи и запихивая их обратно.

– Сожалею, но я не могу вас пропустить.

– Ну, не будьте букой! – Я пустила в ход свою фирменную улыбку, и на щеках расцвели ямочки.

Шкаф даже и глазом не моргнул, только повторил равнодушно:

– Таковы инструкции.

Я беспомощно огляделась по сторонам. Дворик перед клубом словно вымер – и не было ни одного человека, способного провести меня внутрь. Да и кто бы это сделал? К вампирам просто так не попадешь – бдительный охранник тому подтверждение. А из тусовки я знакома только с Жаном и Светланой. Вряд ли француз уже оправился от встречи со мной и специально прилетел из Парижа, чтобы быть свидетелем моего первого выхода в свет. А Светлана – вдруг она уже внутри? Как назло, я еще и визитку с ее телефоном оставила в прихожей, не потрудившись занести номер в память мобильного.

– Черт! – не сдержавшись, выругалась я.

– «Гуччи»? – раздался за спиной знакомый мелодичный голос, и тут же рядом со мной возникла богиня из телевизора – Инесса Раевская собственной персоной.

Если до последнего момента я сомневалась, что вечернее платье с декольте и открытой спиной – правильный выбор, то наряд Раевской, изысканное изумрудное платье в пол и блеск бриллиантов в вырезе бескрайнего декольте, убедил меня в обратном. Инесса безошибочно определила марку моих туфель, и

я благодарно ей улыбнулась – в кои-то веки встретишь настоящего знатока стиля.

– Прошлая коллекция, – критически добавила светская львица, – но очень, очень мило. Я тоже о таких мечтала, но, к сожалению, не нашлось моего размера. А ты, наверное, та самая Жанна? – Она наконец-то оторвала взгляд от моих туфель и подняла на меня жемчужно-серые колдовские очи, красиво подведенные дымчатыми тенями.

– Вы меня знаете? – растерялась я.

– Лапочка, о твоем триумфальном нападении на Жана тусовка судачит уже третьи сутки, – рассмеялась Раевская. – Прежде чем сбежать в Париж, он страстно ругал бешеную брюнетку, чуть не прибившую его на месте за испорченное модное пальто. В свете такой характеристики, незнакомой особой в «Гуччи» и в… «Ланвин», если не ошибаюсь? – Она оценивающим взглядом окинула мое платье. – Так вот этой особой, к тому же забывшей пригласительный, можешь быть только ты.

Инесса только глянула на охранника, и он молча отступил в тень. А законодательница моды, по-свойски взяв меня под локоть, ввела меня в царство вампиров.

Светлана была уже здесь и кинулась нам на встречу. На этот раз на ней было надето маленькое черное платье в лучших традициях Коко Шанель. Однако с первого взгляда было заметно, что Лана чувствует себя в нем крайне неудобно и с удовольствием сменила бы его на привычные джинсы и майку, а изящные черные лодочки – на растоптанные кроссовки.

– Наконец-то, Жанна! Все наши уже почти собрались. Здравствуй, Инесса!

– Доброй ночи, – царственно кивнула Раевская.

– Пойдемте скорей в зал, – засуетилась Светлана, ведя нас по коридору – на шум оживленных голосов и женского смеха.

Я взволнованно стиснула сумочку и одернула платье.

– Не волнуйся, лапуля, – подмигнула мне Инесса. – Ты выглядишь, как звезда! Я даже благодарна Жану за то, что он столкнулся с тобой в той подворотне. Ты – настоящее украшение нашей компании.

Мне показалось, что Лана, шедшая рядом, вспыхнула. То ли от слов Инессы, то ли от важности момента ее голос сорвался в тот миг, когда мы вошли в зал:

– Встре…чайте нашу новую подругу – Жанну! – выкрикнула Света, и зал потонул в аплодисментах.

Нарядные девушки и мужчины поднялись с мест за длинным столом, приветствуя меня. «И это все вампиры?» – мысленно ахнула я. Да их здесь не меньше сотни! И половина из них мне знакома.

Модель, фотографии которой были в модной рубрике «Космо» месяц назад. Малоизвестная американская актриса, снявшаяся в нескольких молодежных комедиях и уже несколько лет, как пропавшая из вида. Молодящаяся оперная дива, с недавних пор променявшая театральные подмостки на эстрадные площадки. Ведущий того самого ток-шоу, на котором я видела Инессу…

Бросились в глаза и обладатели экзотической внешности: ослепительно-красивая мулатка в кремовом платье; индиец, похожий на Киану Ривза в фильме «Маленький Будда»; знойная турчанка в слепящем глаза золотом наряде с пайетками; восхитительная азиатка в красном шелковом платье – похоже, японка. Еще черноглазый латиноамериканец, смуглый араб, улыбчивый грек…

Лана поманила меня за собой, и я двинулась мимо вампиров, к свободному месту в центре стола, с ужасом заметив, что большинство бокалов наполнены темной рубиновой жидкостью. Пока мы шли, аплодисменты не смолкали, но стоило мне опуститься на стул, на который указала Светлана, как в зале повисла тишина. Настороженная и такая глубокая, что казалось, ей можно обернуться, как пледом. Именно это мне сейчас и хотелось сделать больше всего на свете. Находиться под обстрелом изучающих глаз было крайне неуютно, к тому же мне вдруг сделалось так холодно, словно я очутилась в средневековом склепе. Да еще и вокруг лица знаменитостей, которые считаются давно погибшими! Только соседство Светы, которая села справа, придавало немного уверенности и спасло

от позорного бегства. Слева от меня очутился мужчина лет тридцати, который улыбнулся мне такой широкой улыбкой, словно мы были закадычными друзьями-одноклассниками и встретились после долгой разлуки.

– Владислав, – представился он и по-старомодному прильнул губами к моей руке.

Я сдержанно улыбнулась в ответ и с интересом отметила сходство незнакомца с Арамисом в исполнении Игоря Старыгина. Те же светлые волосы до подбородка, делавшие мужчину похожим на героя старомодного романа, тот же ласковый взгляд серых глаз. Только ультрамодный пиджак и белая рубашка с серыми символами @ выдавали в нем современника. На столе рядом с ним стоял бокал с янтарным содержимым. Похоже, мой сосед – вегетарианец, с облегчением подумала я, бросив взгляды на алеющие бокалы других вампиров и вскользь рассмотрев соседей по столу.

Прямо напротив лучился сексапильными флюидами холеный красавец-брюнет. Его лицо показалось мне знакомым, но я никак не могла вспомнить, где могла его видеть. Скорее всего, в какой-то рекламе мужского парфюма.

Рядом с красавцем расположилась такая же совершенная блондинка – воплощение Барби, с каскадом перламутровых локонов до пояса и сапфировыми очами в обрамлении бескрайних угольно-черных ресниц. Но это было не самым возмутительным! Блондинка была упакована в платье от «Эскада», о котором я грезила последние две недели. И вот сейчас, когда у меня на руках уже есть нужная сумма денег, моя мечта оказывается нахально приватизированной крашеной куклой. Не могу же я теперь купить второе такое же!

Красавец представился Аристархом и с насмешливым видом продолжил изучать меня. Блондинка назвалась Нэнси и подчеркнула, что она невеста Аристарха, изрядно развеселив последнего. К счастью для глупышки, она не видела, какую рожу скорчил ее так называемый «жених»…

Я меж тем чувствовала себя страшно неудобно. Удивительно: еще несколько дней назад я бы любимые туфельки отдала, лишь бы очутиться на закрытой вечеринке вампиров, а сейчас мне больше всего хотелось оказаться подальше отсюда.

– Хотите поговорить об этом? – жадно поинтересовался Владислав, глядя на меня во все глаза. – Не стоит смущаться, все новички проходят период адаптации и испытывают определенные сложности.

– Влад, опять ты за свое! Уймись хоть сегодня, ты не на приеме! – с улыбкой осадила его Светлана и пояснила для меня. – Владислав – наш главный мозгоправ.

– Я предпочитаю термин психоаналитик, – поправил он и обратился ко мне. – Будут проблемы – обращайтесь.

– Я похожа на девушку, которой необходим психиатр? – съязвила я.

– Вы похожи на девушку, которой нужен друг, – участливо улыбнулся Владислав.

– Спасибо, у меня уже есть… Лана, – нашлась я.

Светлана польщенно улыбнулась и с превосходством посмотрела на психолога. Ну что за детский сад? И это – вампиры?

– Итак, дамы и господа! Позвольте торжественную часть нашего собрания считать открытой! – донесся до меня звучный мужской голос, и я с благодарностью подняла глаза на его обладателя – приятного парнишку лет двадцати двух с белозубой улыбкой и короткими светло-русыми кудряшками, который взобрался на подиум у стены и теперь вещал в микрофон:

– Добрый вечер, друзья! Сегодня – особенный вечер, один из тех редких вечеров, когда мы принимаем в свои ряды новых членов нашей большой и дружной семьи. Как правило, такое мероприятие предваряет другое важнейшее событие – представление кандидата, совет старейшин и всеобщее голосование, по результатам которых и принимается решение о вступлении в наш тесный круг. Но сегодня у нас особенный сценарий! Такого не было еще ни разу с момента принятия наших правил… – Красавчик выдержал эффектную паузу. – Героиня сегодняшнего вечера стала вампиром вопреки правилам, вопреки нашим голосам и вопреки собственному желанию. Дамы и господа, поприветствуем нашу бесстрашную Жанну – вампиршу поневоле.

Ведущий зааплодировал, зал подхватил. На меня воззрились десятки любопытных глаз, и я физически ощутила, как меня ощупывают, поглаживают, притягивают, отталкивают, ласкают, рассматривают, как диковинный микроб под микроскопом, и пытаются проникнуть в самую душу. Сейчас я для них – занятный зверек, который умудрился пробиться в закрытый клуб, в обход системы клубных карт и бдительной охраны.

– Итак, – кашлянул ведущий, требуя внимания, – хотите вы того или нет, а Жанна уже стала одной из нас.

– Ура! – гаркнул какой-то громкоголосый рыжий молодец.

– Аминь, – блаженным тоном отозвался голубоглазый блондин в полупрозрачной белой рубашке, сидящий поодаль.

– Поздравления оставим на потом, – оборвал их ведущий. – А пока познакомимся с досье на нашу героиню. Итак, дамы и господа! Прошу любить и жаловать – Жанна Бессонова. – В его голосе появились торжественные интонации диктора ТВ, сообщающего в прямом эфире страшную государственную тайну. – По вероисповеданию лейбломанка, по призванию – модный обозреватель, по недоразумению – риэлтер в агентстве недвижимости. Любимое занятие: шопинг. Любимая подруга: кредитная карта. Настольные книги: «Вог» и «Космополитен». Наша Жанна сможет с сотни метров отличить «Версачи» от Версаля, «Гуччи» от Гауди, а «Тиффани» от Тимати. Страдает аллергией на подделки: при виде «фэйка» начинает чихать, кашлять и плеваться. Предыдущая реинкарнация: Одри Хепберн. Сестра по разуму: Пэрис Хилтон. Любимый город: Милан. Любимый телевизионный канал: Fashion-TV. Любимый художник: Пако Рабанн. Любимый фильм: «Дьявол носит «Прада». Любимый напиток: «Пина Колада».

Удивительно, но половина из шутливого досье оказалась правдой. Интересно, у меня на лбу написано, что я читаю «Вог», в свободное время шатаюсь по магазинам и мечтаю побывать в столице мод – Милане?

– Теперь вы знаете все об этой прелестной девушке, – выпалил кудрявый красавчик. – Но, уверен, теперь вы еще больше сгораете от любопытства и хотите узнать, каким образом ей удалось отбиться от острых клыков нашего друга Жана. Попросим ее рассказать об этом?

– Просим, просим! – проскандировал зал.

– Идите же сюда, Жанночка! – размахивая микрофоном, поманил ведущий.

Чувствуя себя полной дурой на тонких шпильках, я процокала по залу и взгромоздилась на импровизированный пьедестал.

– Итак, прошу тишины!!! В эфире ток-шоу «Пусть говорят» и у нас в студии девушка, которая подверглась нападению вампира!!! Жанна, мы просто потрясены!!! Расскажите же нам, как все произошло!!! – копируя поведение Андрея Малахова и нервно выкрикивая реплики, кудрявый подскочил ко мне и сунул под нос микрофон.

Я невольно поморщилась от крика, перевела взгляд с микрофона на бесцеремонного паяца, собираясь высказать все, что я думаю о нем и этом фарсе, но обидные слова застыли у меня на губах. На меня смотрели мудрые глаза мужчины, уставшего играть роль клоуна, но вынужденного это делать. «Да, я знаю, что смешон и нелеп, – говорили они. – Но это моя работа – развлекать публику. Они требуют зрелищ и веселья, и я им их обеспечиваю. Подыграй мне. Ну, пожалуйста!» Сколько же на самом деле лет этому парнишке, подумалось мне. Сорок, пятьдесят, восемьдесят?

Пауза затянулась, и кудрявый поторопил меня, напустив в голос сочувствия, а во взгляд – обаяния Кота в сапогах из «Шрека»:

– Ну же, Жанна, мы все во внимании.

– Я возвращалась домой с работы, – начала я, подыгрывая ему. – А тут – он! Всю жизнь вампира мечтала встретить и бессмертной стать, а тут такое счастье привалило!

Ведущий от удивления поперхнулся заготовленным вопросом, а я продолжила:

– Пальтишко расстегнула, шарфик с шеи сняла, приготовилась, жду…

– Да что вы говорите!!! – Кудрявый восхищенно взглянул на меня. Похоже, моя импровизация пришлась ему по вкусу. – И что он сделал?!! Набросился на вас?!!

– Какое там! – с возмущением воскликнула я. – Он как давай выспрашивать: что ела на завтрак, что на обед, не было ли в еде концентратов. Просто сдвинутый какой-то! Изучал состав моей крови, как содержание пакетика с чипсами на полке супермаркета!

В зале раздались одобрительные смешки. Похоже, мое определение попало в точку, и о взыскательности Жана все были осведомлены.

– И что же вы?!! – поторопил меня ведущий.

– А что я? Знаете, как хотелось вампиром стать и быть вечно молодой и красивой? Чтоб никаких пластических операций, алопеции, климакса и Альцгеймера! – Я взглянула в глаза кудрявого и поняла, что ему с трудом удается не расхохотаться. И все-таки он мальчишка. Какие восемьдесят лет? Ему и тридцати-то нет! – Пришлось поклясться, что веду здоровый образ жизни круглосуточно, даже во сне занимаюсь йогой и кушаю спаржу, – продолжила я. – И вообще признаю только правильное питание и весь день до нашей встречи питалась исключительно диетическими хлебцами и сельдереем.

– Это его подкупило?

– Увы, да, – горестно вздохнула я. – Только этот упырь, будь он неладен, в шею меня кусать побрезговал, а как присосался к запястью – весь подол пальто кровью залил. Тут уж я озверела и отмолотила его как следует.

– Есть женщины в московских подворотнях! – восхищенно вскричал кудрявый.

– Да здравствует Жанна, победительница Жана, – подхватил знаменитый теннисист. Видимо, с французом у него были давние счеты.

– Предлагаю поднять первый тост за Жанну, пополнившую наши ряды! – выкрикнул ведущий.

Публика одобряюще захлопала, заулюлюкала и подняла бокалы в мою честь. А я, чувствуя себя персонажем театра абсурда, вернулась на место.

– Жанночка, – наклонился ко мне Владислав. – Надеюсь, вы не обиделись на нас? Никто не хотел выставлять вас на посмешище, просто мы так развлекаемся. Вы молодец, что подыграли Глебу. Ваше боевое крещение надо отметить!

Блондинка скривилась, словно махом осушила ведро лимонного сока, и сплела длинные пальцы с узорным маникюром на ножке своего винного фужера.

– За Жанну! За Жанну! – эхом подхватили присутствовавшие, не сводя с меня любопытных глаз.

Аристарх с лукавой улыбкой наклонил черную бутыль и плеснул ее содержимое в мой бокал. Я с испугом глянула на напиток, ожидая увидеть, как переливается через край густая пенящаяся кровь, но в фужере всего-навсего золотилось шампанское.

– Или девушка предпочитает вино? – насмешливо спросил он, наблюдая за моей реакцией, и кивнул на бокалы других вампиров. – Красное сухое или полусладкое? Извините, но кровяного не держим.

– Аристарх! – укорила его Лана.

Я вспыхнула, и только звон бокалов прервал затянувшуюся паузу. Мне протягивали фужеры; словно во сне я касалась их своим бокалом с легким звоном, отвечала на улыбки, салютовала в ответ тем, кто сидел поодаль. А потом залпом осушила шампанское.

– Хорошо пошел виноград, который удобряют кровью девственниц? – с невозмутимым видом поинтересовался Аристарх.

Внутри меня взметнулась волна тошноты, но я нашла в себе сил непринужденно ответить:

– Я вижу, вы хорошо осведомлены о процессе производства. Сами участвовали? Удобряли? Проверяли девиц?

В глазах Аристарха зажегся огонек интереса.

– Один – один, – удовлетворенно заметил он. – Кажется, Жан не ошибся с выбором.

Блондинка Нэнси, заметив это, нервно заерзала и наградила меня убийственным взором. Похоже, одну смертельную врагиню я себе сегодня уже заработала. Но не будем останавливаться на достигнутом!

– А скажите как вампир со стажем, – с придыханием произнесла я, – чья кровь слаще – блондинок или брюнеток? Правду говорят, что у блондинок кровь – как вода, а у брюнеток – терпкая и пьянящая, как хорошее вино?

Пальцы блондинки вцепились в ножку фужера так, словно душили змею.

– Смотря у какой брюнетки, – насмешливо ответил Аристарх. – У некоторых, вполне вероятно, по жилам течет неразбавленный яд.

Наконец-то я вспомнила, где видела Аристарха. Конечно, же в журнале. Только не в рекламе, а на странице с колонкой главного редактора. Как-то я листала мужской глянец в салоне красоты и полюбовалась его породистым лицом, а затем посмеялась над пафосными именем и фамилией – Аристарх Алмазов, решив, что это псевдоним.

Устав препираться с соседом, я стала разглядывать присутствующих, то и дело выхватывая знакомые лица.

Вон модель из рекламы сока, вон актриса, давно пропавшая и с театральных подмосток, и из светской хроники. Вон олимпийский чемпион по фигурному катанию, вон модная писательница.

Вот молоденькая певица, обладательница редкого для эстрады голоса и непристойной татуировки, которую со смаком обсуждала желтая пресса. Рядом с ней – представитель этой самой желтой прессы, скандальный телерепортер. Напротив них – известная театральная актриса, участвующая в шоу «Звезды на льду». А вот знаменитый чешский теннисист, ушедший из спорта из-за травмы, шепчется о чем-то с продюсером, зажегшим на поп-Олимпе несколько новых звезд. Неужели, теннисист тоже собирается запеть?

Встретилось и несколько «антикварных» суперстаров. Из наших – солистка из первого состава процветающей и поныне российской поп-группы, довольно знаменитый в прошлом телеведущий и – подумать только! – актер, гибель которого в середине 80-х оплакивал весь Советский Союз. Как раз на той неделе по Первому каналу шла передача, посвященная его семидесятилетнему юбилею, и мне пришлось посмотреть ее от начала до конца. Тогда ко мне на чай зашла моя бабуля Лиза, бывшая большой поклонницей таланта артиста. Бабушка героически выиграла битву за пульт, и мне пришлось смотреть историю жизни бабулиного кумира. Нет никаких сомнений – это именно он, хоть и с другой прической, в современном прикиде. Бабуля бы многое отдала, чтобы посидеть с ним за одним столом!

А вот и забытые зарубежные знаменитости – звезда латиноамериканской мыльной оперы, которую я смотрела еще школьницей, и самый симпатичный участник бойз-бенда, гремевшего на весь мир в 90-х. У меня даже их плакат одно время в туалете висел! Однако больше всего потрясло меня присутствие итальянской манекенщицы с мировым именем, которая ушла с подиума в разгар карьеры, чем повергла в шок общественность. Газетчики пошумели, опубликовали снимки со свадьбы длинноногой красавицы с индийским миллионером, обсудили явную беременность невесты, которую подвенечное платье не скрывало, а только подчеркивало, и забыли о Монике, переключившись на новых звездочек. С тех пор прошло десять лет. Моника не постарела ни на день.

Многие лица были мне незнакомы. В вампирской тусовке нашлось место и рассеянному интеллектуалу, похожему на университетского профессора, и лощеному красавчику, смахивающему на дорогого стриптизера, и мужеподобной дамочке с глубокой складкой между бровями, напомнившей мне учительницу математики, и легкомысленной красотке, весь талант которой, на первый взгляд, заключался в роскошном бюсте, кокетливо упакованном в тесный топ.

Приглядевшись к собравшимся, я заметила, что вампиров с экзотической внешностью еще больше, чем показалось мне на первый взгляд. Почти каждый пятый!

– Лан, – шепнула я, – а почему среди гостей так много иностранцев?

– Это везде так, – охотно пояснила Светлана. – В любой нашей европейской тусовке полно азиатов и африканцев, а в индийской или японской – достаточно

европейцев. Мы вынуждены переезжать время от времени, чтобы не вызывать подозрений у людей. По нашим правилам не позже, чем раз в десять лет, каждый из нас переезжает в другую страну и начинает жизнь заново.

– Значит, и мне придется? Ты мне об этом не говорила, – приуныла я.

– Ничего, это даже интересно! Новые знакомства, новая работа, новый стиль жизни, – подмигнула Лана. – Я, например, уже в пятой стране живу.

Владислав завел разговор о чешских замках, которые недавно посетил. А я размечталась, что теперь смогу путешествовать – средства вампира вполне позволяют!

– У вас, Жанна, в роду не было аристократов? – внезапно спросил Владислав.

Аристарх и его блондинка с интересом уставились на меня, и я неожиданно соврала:

– Моя прабабка была графиней.

– Да что вы говорите! – не поверила блондинка. – Должно быть, она передала вам семейные драгоценности?

– К сожалению, все пришлось продать после революции. Осталось только серебряное кольцо, которое прабабушка подарила мне, – уверенно соврала я.

Антикварный перстень и в самом деле существовал – его подарил мне один из бывших, уверяя, что украшение носили еще во времена Екатерины, чем поставил окончательную точку в наших затянувшихся отношениях. Зря я таскала парня перед витринами «Тиффани» – Фёдор был повернут на старине и поисках кладов. Он уверял, что кольцо раскопал собственноручно, и в начале нашего знакомства носил его сам, эпатируя людей длинными патлами, рваными джинсами и громоздким старомодным перстнем, так не сочетавшимися между собой. Кроме того, Федор был худым, сутулым, прыщавым и далеким от моды, как Памела Андерсон – от природы. Он приводил в оторопь мою маму и Сашку: маман звала его Кощеем, Сашка – гоблином. Из всех моих бойфрендов Фёдор был самым некрасивым, нелепым и несексуальным. Разглядывая наши

фотографии после разрыва, я сама поражалась, как я могла быть рядом с ним и еще испытывала к нему самые нежные чувства, млела от его улыбки, таяла от его объятий, выпрашивала каждый поцелуй как подарок. Подумать только, однажды я, не раздумывая, пожертвовала походом на модный показ ради свидания с Фёдором, который вернулся с очередных раскопок! Сейчас я недоумеваю, что я в нем могла найти и почему на целый месяц потеряла голову, но в тот момент, когда ободок с темным металлом сменил владельца и удобно устроился на моем пальце, я прозрела. Разочарование между ожидаемым модным украшением и поюзанным перстеньком было так велико, что свидание стало последним. Как честная девушка, я хотела вернуть подарок, но любитель старины благородно оставил мне его на память. Безо всяких зазрений совести я отдала перстень в переплавку…

Аристарх уставился на мои пальцы, выискивая старинное кольцо.

– Не люблю колец, – выдержав его взгляд, сообщила я. – Оно было громоздким и не нравилось мне. Я переплавила его на пирсинг.

– О, какая пикантная подробность! – Аристарх жадно уставился на меня, гадая, в какой части тела может находиться серебро прабабушки.

– Украшение сейчас на мне. – Мне отчего-то захотелось его подразнить.

– Серебро? – ужаснулся он. – Немедленно избавьтесь от него, Жанна! Иначе оно погубит вас!

Я машинально дотронулась рукой до пупка: серебряное колечко холодило даже через шелк. Непонятно почему, с пирсингом я чувствовала себя уверенно и раскованно. Стоило его надеть, как внимание мужчин было обеспечено. Никакой мистики, конечно, простая психология – кольцо придавало мне уверенности в своих чарах и зажигало в глазах искорки, на которые и клевали кавалеры. На работу я его не носила: хватило двух раз, когда меня просто преследовали своими приставаниями кавказцы на черных иномарках по пути к метро. А потом еще в офисе новый охранник не пропускал на проходной, вымаливая о свидании, а за обедом глубоко женатый менеджер по рекламе настойчиво приглашал к себе в гости в отсутствие жены с детьми. Совпадение, конечно, но с тех пор я окрестила пирсинг любовным талисманом и надевала крайне редко, хотя обожала его страстно. Последний раз я носила его в день роковой встречи с

Жаном. Как чуя скандал с Горячкиной, я достала талисманчик для придания уверенности в себе. Увы, на Однорога серебряная безделушка не подействовала. Зато вампира как к себе приманила!

Вот и сегодня, в такой важный день моего боевого крещения, мне захотелось его надеть. Я совершенно не подумала о том, что оно из серебра! Как я могла забыть? Вдруг металл способен отравить ослабленный иммунитет? Кажется, я уже чувствую слабость…

– Теперь мы знаем, где вы носите бабушкино серебро, – ухмыльнулся Аристарх, проследив за моим жестом.

Чтобы скрыть смущение, я влила в себя глоток шампанского. Светлана пришла мне на помощь и поднялась с места.

– Извините, мне надо выйти, – она взглянула на меня. – Составишь компанию?

Стоило нам выйти из зала, она зашептала мне на ухо:

– Ты что, запала на Аристарха?

– Вот еще! – Я с негодованием опровергла ее предположение.

– А вот Аристарх решил, что ты на него запала, – хмыкнула Лана, входя в дамскую комнату.

– Пусть помечтает, – милостиво разрешила я.

– Кстати, ты ему понравилась. Я такие вещи сразу чую. Он тобой заинтересовался.

– Мне-то что? – Я равнодушно пожала плечами. – Пусть его Барби волнуется.

– Ниночка за него глотку перегрызет. Будь с ней поосторожней.

– Какая еще Ниночка?

– Ну, Нэнси. Я же тебе говорила, многие наши меняют имена при вступлении в клуб. Была Нина – стала Нэнси.

Мы разошлись по кабинкам, а когда снова встретились у зеркала, Светлана продолжила разговор:

– Тебя, что совсем не волнует интерес Аристарха?

– А с чего бы он меня должен волновать? – Я самодовольно покрутилась перед зеркалом.

– Ну, Аристарх наш местный секс-символ. Знала бы ты, сколько на него желающих!

– Слушай, – оборвала я болтушку, – если ты сейчас же не замолчишь, я подумаю, что он тебе заплатил, чтобы ты его в выигрышном свете представила и мне разрекламировала.

– Ну и язва! – не обиделась на меня Лана. – И за что только таких секс-символы любят? Вот и Жан тоже не устоял.

– Я смотрю, у вас каждый второй хмырь в секс-символы норовит заделаться?

– Ты не оценила лоск нашего французского графа? – охнула Светлана.

– Он что, правда, граф?

– И граф, и актер. Не узнала разве?

– Так это правда? То-то мне показалось, что он похож на персонажа одного старого фильма. Только того Анри Мерль звали, я потом в Интернете посмотрела.

– Анри Мерль – его псевдоним. Ему уже сто с лишним лет. Когда его обратили, о правилах и донорской крови еще и речи не было. Поэтому он приверженец старого образа жизни… Ну, ты понимаешь, – запнулась она.

– Еще бы мне не понимать! Из-за его заплесневевших убеждений я лишилась своего пальто, – процедила я, – и нормальной жизни. Я еще удивляюсь, почему он по старинке не укусил меня в шею, а впился в руку.

– Укус вампира в шею – штамп кинематографа, – пояснила Лана. – Картинка очень чувственно на экране смотрится, согласись? Вот и растиражировали ее по всем киношкам. А на деле удобней из руки кровь брать… – Вампирша опустила глаза, признаваясь в том, что не всегда довольствуется донорской кровью. – Извини, тебе, должно быть, неприятно…

– Пустяки, дело-то житейское, – пробормотала я. – Называй уж все своими именами, не брать, а прокусывать.

– Да нет, – усмехнулась Светлана, – именно брать. Клыков-то у нас, как у киношных кровопийц, нет, приходится лезвием орудовать.

Я невольно бросила взгляд на запястье и вспомнила ровный, словно после скальпеля, порез, который уже зажил, оставив лишь едва заметную белую полоску.

– Значит, вы взрезаете вену, а человек потом истекает кровью? – сдавленно спросила я.

– Жанна, ну ты что! – оскорбленно укорила меня вампирша. – Конечно же, утолив голод, мы останавливаем кровь, дезинфицируем ранку и заклеиваем ее пластырем или заматываем бинтом.

Я недоверчиво посмотрела на Светлану и с удивлением поняла: она не шутит. В самом деле, от ранки, оставленной Жаном, на утро пахло дорогим мужским одеколоном, а бинт… Мне казалось, Жан взял его из моей аптечки, но теперь я поняла, что это невозможно. Аптечку я хранила в шкафу у стенки, заваленную кипами журналов – благо, здоровьем я отличалась хорошим, коленки не разбивала со школьной скамьи и ее содержимое мне пригождалось от силы пару раз в год. Человек, впервые попавший в дом, будь он трижды вампир, ни за что бы ее не нашел. Получается, бинт Жан таскал с собой?!

– Я смотрю, ты не читала правила питания? – пожурила меня Лана.

Конечно же, заметив среди оставленных ею брошюр и книжиц вышеозначенные «Правила», я с негодованием отмела их в сторону. Чтобы я пила кровь у живых людей? Да никогда!

– А ведь там на первой же странице написано, что, собираясь поохотиться, каждый из нас должен взять с собой спецнабор: снотворное или хлороформ для усыпления жертвы. А также кровоостанавливающее, дезинфицирующее и пластырь или бинт для оказания помощи после кровопотери, – сказала Светлана. – Это только в кино вампиры выпивают из жертвы всю кровь и оставляют человека умирать. Нам, чтобы выжить и сохранить инкогнито, необходимо заботиться о здоровье человека… после забора крови.

– Но как же потом… – удивилась я.

– Что думают люди после того, как обнаруживают перевязанную ранку? – договорила за меня она. – Некоторые думают, что их похитили, чтобы вырезать почку, но прежде решили взяли кровь – и поняли, что орган не подходит. Кто-то «вспоминает», как поранился или сдавал кровь – если над ним поработал опытный вампир с навыками гипноза. Только одному из десяти приходит в голову мысль о вампирах, но и он не осмеливается озвучить ее вслух из боязни насмешек…

Светлана насторожилась, обернувшись к двери. Мгновением позже и до меня донесся стук каблучков. Распахнулась дверь, впуская Инессу.

– Секретничаете, девочки? – улыбнулась Раевская, подходя к зеркалу и вытаскивая из клатча золотистый тюбик с помадой.

– Мы уже закончили. – Светлана вышла за дверь, я направилась следом.

– Жанна, подожди! – окликнула меня Раевская.

Я в недоумении остановилась.

– Нравится тебе у нас? – промурлыкала Инесса, подкрашивая губы в ярко-алый цвет.

Я пожала плечами:

– Несколько непривычно.

– Привыкнешь, – убежденно сказала Раевская, оценивающе разглядывая меня. – Поначалу все чувствуют себя как инопланетяне. А потом входят во вкус, – двусмысленно добавила она.

– Остальные знали, на что шли, – возразила я. – А меня никто не спрашивал.

– Ты сама решила свою судьбу, – усмехнулась Инесса. – Не стоит ни о чем жалеть – извлекай пользу из своего нового положения.

– Только этим и остается утешаться, – пробормотала я, отворачиваясь к двери.

– Жа-а-нна, – растягивая гласные, позвала Раевская.

– Что?

– Если возникнут проблемы, обращайся.

Убежденность в ее голосе заставила меня поежиться: светская львица не сомневалась в том, что проблемы непременно возникнут. И я была склонна ей доверять. Ей виднее, каково оно – становиться вампиром.

Светлана поджидала меня в коридоре.

– Все в порядке? – встревоженно спросила она, глядя на мою кислую физиономию.

– Все тип-топ, – кивнула я.

– Что она сказала?

– Сказала, чтобы я обращалась к ней, если будут какие-то проблемы.

– Так и сказала? – удивилась Лана.

– Слово в слово.

– Кто бы мог подумать! – В голосе вампирши послышались обиженные нотки.

– Вы враждуете? – напрямик спросила я.

– Мы? С чего ты взяла? – неуверенно опровергла мою версию Светлана. Перехватив мой взгляд, она вздохнула и призналась: – Инесса меня недолюбливает. Она была против моего вступления в Клуб.

– Почему?

– Она считает меня недостаточно утонченной, – нехотя поведала Лана. – Но большинство вампиров тогда, в Афинах, проголосовало за, так что ей пришлось смириться с моим присутствием. Я думала, она и на тебя взъестся за то, что ты в обход правил и голосования к нам проникла, но похоже, ты ей понравилась.

– Мне все равно, – покривила душой я, хотя внимание Инессы Раевской мне было очень лестно.

Светлана просияла и утащила меня обратно в зал.

– Наконец-то, Жанна! – прогремел со своего возвышения массовик-затейник. – Мы только вас и ждем! Итак, дамы и господа, – обратился он к блуждающим по залу вампирам, – занимаем свои места, согласно купленным билетам, не задерживаем начало представления.

– Что еще за представление? – насторожилась я. Быть главной героиней очередного спектакля абсурда не хотелось.

– Сейчас наши знаменитости будут свои таланты показывать! – оживленно пообещала Света, увлекая меня к нашим местам за столом, и ее глаза восторженно засияли, как у ребенка перед началом циркового представления.

– Какие таланты? – Я с тоской покосилась на раскрасневшуюся оперную диву. Надеюсь, она не вздумает проверять силу своего голоса на стакане?

– Я же тебе говорила, что практически все обращенные после Пражского договора – мастера своего дела? Вот сейчас и увидишь, на что они способны, – в голосе Ланы прозвучала настоящая гордость.

Мы сели за стол, и я отметила, что наши соседи где-то гуляют.

– А что, у Нэнси – тоже талант? – с ехидством осведомилась я.

– И еще какой! – хмыкнула Света. – Нина – наше секретное оружие.

– Бактериологическое? – хихикнула я, вспомнив анекдот про Анку.

– Бери выше! Ручная работа, единичный экземпляр.

– Ну, не томи!

– Нэнси может с помощью шпильки вскрыть любой замок.

– Любой?

– Кроме цифрового. Так что против технического прогресса и современных сейфов она бессильна. В остальном же, Нина – это ключик к любой двери.

– И на что годен ее талант? – удивилась я. – Вы с ее помощью квартиры обчищаете?

– Не обчищаем, но иногда подчищаем следы пребывания наших неразумных сородичей, – поделилась Лана. – А вообще ситуации разные бывают. Вот забудешь ключ от квартиры, где шмотки лежат, дома и захлопнешь дверь, не спеши вызывать спасателей с ломом, лучше звони Нине.

– Лучше как-нибудь обойдусь, – фыркнула я. – И что, Ниночка сегодня тоже выступает?

– Нет, сегодня только артисты.

– А где можно на программку взглянуть?

– Сегодня у нас по плану выступления мировых звезд культуры, спорта и шоу-бизнеса. В программе – акробатка из Китая, иллюзионист из Англии, скрипачка из Японии и наша знаменитая оперная примадонна Виолетта.

– Ох, – закручинилась я. – А без нее никак?

– Без нее – никак. Она у нас выступает при любом удобном случае. И на днях рождения, и на юбилеях…

Я хмыкнула, представив себе празднование двухсотлетнего юбилея, с обязательной стенгазетой о самых важных событиях из жизни юбиляра, в данном случае – длиной в несколько метров.

– …и на свадьбах, – закончила Светлана.

– На свадьбах? – потрясенно переспросила я. – И такое бывает?

– Почему нет? Что ж мы, не люди, что ли?

– А здесь, – я оглянулась по сторонам, – присутствуют женатые пары?

– Есть несколько. – Вампирша прищурилась, скользнув взглядом по гостям.

– Кто, например? – Я сгорала от любопытства.

– Да вон – Нелли и Оскар. – Лана указала на рыжую девушку и ее спутника, которые мило беседовали, не сводя друг с друга влюбленных глаз.

– Наверное, молодожены? – убежденно предположила я.

– Кто, эти? – Вампирша развеселилась. – Да мы недавно их бриллиантовую свадьбу отмечали.

– Бриллиантовую? – Я округлила глаза. – Шутишь?

– Нисколько.

– Это ж сколько лет? Шестьдесят, что ли?

– Семьдесят пять, – сообщила Светлана. – Самая последняя в традиционной классификации годовщин свадеб, дальше уже нет. Ясное дело, люди столько не живут. Тем более – вместе! Так мы на вечеринке придумали названия для годовщин еще на сто лет вперед. Радужная, звездная, лунная…

– Красиво, – оценила я.

– А я тогда предложил в столетний юбилей списать все супружеские годы за сроком давности и начать отмечать все годовщины заново, – вклинился в наш разговор Аристарх, усаживая свою блондинку на стул и приземляясь напротив. – Но мое предложение, увы, не оценили.

– Вот проживешь в браке сто лет, тогда и устанавливай свои правила празднования, – поддела его Света.

– Я столько не проживу, – хмыкнул Аристарх, заставив меня взглянуть на него совсем по-другому.

Неужели, ему уже под двести лет, если он не рассчитывает прожить еще сто? Кто бы мог подумать! А ведет себя, как тридцатилетний плейбой. Хотя откуда мне знать, как ведут себя двухсотлетние вампиры? Я же пока не имела возможности за ними понаблюдать.

– Наконец-то все в сборе! Тогда мы начинаем, – прозвучал голос Глеба из динамиков. – Встречаем несравненную, уникальную, фантастическую Мэй с ее танцующими тарелочками!

– Это китайская циркачка, – шепотом пояснила Лана.

Зазвучала динамичная мелодия, и все присутствующие обернулись в сторону входа, где показалась артистка. Девушка была невысокой и очень тоненькой. Красный костюм с блестками облегал ее, как вторая кожа. В каждой руке она вертикально держала по четыре тонких палочки, и на их кончиках в быстром темпе вращались блюдца размером с чайные.

– Они что, на чем-то крепятся? – вполголоса спросила я у Светы.

– Ты что! – Она с возмущением опровергла мою версию. – В том-то и суть номера – тарелочки удерживаются за счет вращения.

Продолжая вращать тарелочки, Мэй вышла в центр зала. Она была некрасивой, но сейчас ее лицо сияло каким-то особенным светом. Китаянка наслаждалась каждым мгновением своего номера, и радость от любимого дела красила ее куда больше, чем броский цирковой грим.

Мэй опустилась на колени лицом к зрителям и подняла руки. Танцующие тарелочки взлетели над ее головой, потом плавно ушли вправо, влево, подчиняясь ее ловким, отточенным движениям. Ритм музыки нарастал, казалось, тарелочки тоже убыстряют темп. Мэй поднялась с колен и, меняя положение рук, то опуская, то поднимая их, стала поворачиваться вокруг своей оси. Тарелочки, как большие белокрылые бабочки, парили вокруг нее. Когда она повернулась спиной, я не смогла сдержать восхищенного вздоха и подалась вперед. В убранных наверх иссиня-черных волосах сверкала красивая заколка. Та самая, из китайской коллекции Картье, которой я с полчаса любовалась на страницах журнала «Elle». С гранатами и бриллиантами. Не заколка, настоящее сокровище!

– Впечатляет, правда? – с восторгом зашептала Светлана.

– Это просто чудо, – в восхищении выдохнула я, подумав о том, что на часть из положенных мне откупных обязательно куплю себе такую же. Раз уж платье «Эскада» помахало мне ручкой. О том, хватит ли этой части на драгоценную заколку, я решила подумать позже.

– Мало удержать тарелочки на весу, не двигаясь с места; она еще умудряется это делать, меняя положение, – продолжила вампирша, и я с досадой поняла, что мы говорим о разных вещах. – Я пробовала, у меня даже стоя на одном месте

ничего не получается. Тарелочки падают постоянно.

– Если бы у тебя было сто лет практики, в твоих руках они бы тоже затанцевали, – утешила ее я.

– Мэй не такая древняя, – со смешком сообщила Лана, не отрывая глаз от китаянки. – Ей всего двадцать два.

– В смысле, с тех пор как она стала вампиром? – уточнила я.

– Вообще. Она с нами всего два года, но цирковому искусству училась с детства, – охотно пояснила Светлана и ткнула меня в бок. – Смотри, самое интересное!

Я и не заметила, как рядом с циркачкой возник Глеб. Развернувшись лицом к зрителям, он встал в позе «ноги на ширине плеч, руки в боки» и слегка наклонился. Хрупкая китаяночка птичкой взлетела ему на плечи и выпрямилась, продолжая удерживать крутящиеся диски. Обхватив ее за ступни, выпрямился и Глеб. Теперь Мэй одновременно балансировала на плечах Глеба и крутила тарелочки. Зрители зааплодировали, хлопнула в ладоши и я. Зрелище действительно впечатляло.

Не уронив ни одной тарелочки, Мэй спустилась на пол и, продолжая крутить-вертеть, под аплодисменты исчезла в незаметной двери за подиумом.

– И как тебе? – обернулась ко мне раскрасневшаяся от удовольствия Света.

– Потрясающе! Век бы смотрела, – честно призналась я, проводив взглядом заколку в волосах циркачки.

– У Мэй будет еще одно выступление, – обнадежила меня вампирша. – Это так, для разогрева, стандартный номер в китайском цирке. У Мэй еще есть ее особенный номер со свечами, который сделал ее знаменитой на весь Китай. Позже увидишь, вот это просто чудо!

Я изобразила восторг и принялась разглядывать вышедшего в центр зала брюнета в скучном черном смокинге, не поддающемся модной идентификации, и

в шляпе-цилиндре.

– А сейчас фокусы будут, – Света радовалась как ребенок. Кто бы мог подумать, что ей пятьдесят три!

Хотя не она одна так ликует – вон не постаревшая ни на день актриса 50-х годов, ровесница и любимица бабушки Лизы. На прошлый Новый год я подарила бабушке коллекцию фильмов с любимой актрисой на дивиди, поэтому сейчас я сразу узнала «трагически погибшую в расцвете лет и таланта» в автокатастрофе ретро-звезду. Актрисе сейчас уже хорошо под восемьдесят, а она чуть на стуле от восторга не прыгает. Ну где это видано, чтобы бабушки, приведшие внуков в цирк, вели себя так же, как и малыши? Старушки в этом возрасте уже впадают в маразм, с негодованием покрикивают на сорванцов, обвиняют молодежь в безнравственности, забывая о своей собственной разгульной юности, и шьют погребальное платье. Неужели все дело в том, что болезни, дряхлость и неумолимо приближающаяся развязка меняют взгляд на мир? В том, что вместо свадеб приходится гулять на похоронах, вместо билетов в цирк с боем добывать талончики к врачам, а вместо шумных развлечений замаливать в церкви грехи молодости? А сохрани пенсионерки здоровье и молодость, радовались бы как эта актриса? Или дело в состоянии души? Я вспомнила свою бабушку Лизу, ощущающую себя на семнадцать лет и никогда не обмолвившуюся о своих недугах. Ведь можно быть старой ворчливой кошелкой в двадцать лет, а можно оставаться очаровательной леди и в восемьдесят. Что ж, в ближайшие двести пятьдесят лет у меня будет масса времени, чтобы изучить этот феномен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nabokova_yuliya/vip-znachit-vampir

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити